



Сильвия Райн

БАЛЛАДА
О КОРОЛЕВЕ
ДРАКОНОВ

Т
Дом

Сильвия Лайм
Баллада о королеве
драконов. Часть 1. Дым
Серия «Черное золото
Райялари», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67781669

*Баллада о королеве драконов – 1. Дым / Сильвия Лайм: Авторское;
2022*

Аннотация

Он был комендантом моей тюрьмы. Всесильным, недостижимым, недоступным. А я была нищей и слабой девчонкой, пожизненно осужденной за преступление, которого не совершала.

Но однажды все изменилось. Лезвие рока пронзило мое сердце, и в стенах Чертога Ночи раздалась поступь старых богов. Теперь в моих венах вместо крови течет древняя магия, а дождливо-стальные глаза коменданта все чаще загораются огнем, когда он смотрит в мою сторону.

Чем закончится история обычной девушки и сильнейшего волшебника с поступью зверя? Ведь над равниной людского

королевства все громче звучит забытая песнь, в которой оживает само волшебство...

Баллада о королеве драконов.

Содержание

Увертюра	5
Этюд 1. Прибытие в Чертог	5
Этюд 2. Знакомство	12
Этюд 3. Ритуал	23
Симфония	30
Этюд 1. Явление	30
Этюд 2. Тренировочный бой	33
Этюд 3. Вайлар Таркон	61
Этюд 4. Столовая	71
Этюд 5. Надзиратель Сид	96
Этюд 6. Эргастул	107
Этюд 7. Комендант не в духе	123
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Сильвия Лайм

Баллада о королеве драконов – 1. Дым

Увертюра

Этюд 1. Прибытие в Чертог

Это просто не могло быть правдой. До самого конца она не хотела в это верить. Но вот он – Чертог Ночи, легендарная крепость из камня и земли. Тюрьма, откуда нет возврата.

Черные шпили замка острыми иглами протыкали облака, пока конвой из двух воинов вел вперед худенькую девушку. Она видела рядом с собой их истёртые ветром и временем лица уже несколько дней подряд, пока мужчины сопровождали её из деревни. Иногда после нескольких кружек дешёвого вина в каком-нибудь постоялом дворе, больше напоминающем скотный, конвоиры поглядывали на нее сально и скользко, так что их мысли становились совершенно ясны. Девушка была для них всего лишь преступницей. По законам царства делать с ней можно всё что угодно. Однако что-то останавливало их от воплощения в жизнь всех тех мерз-

ких мыслишек, которые так и читались во влажных, усталых от жизни глазах.

«Было бы даже жаль их, если бы у меня оставались силы на жалость...» – грустно думала девушка, разглядывая грязь, прилипшую к старым туфлям.

Она прошла через высокие ворота крепости, и скрипучие створки закрылись, отрезая ее навсегда от людей, от мира, от нормальной жизни.

«Кто я теперь?» – мелькало в голове тихое.

Ответ был болезненно прост и короток:

«Безымянная узница самой смертоносной крепости, которая существовала».

– Пополнение, – бросил один из конвоиров, бесцеремонно толкнув девчонку вперёд, прямо на руки слуге, открывшему ворота.

Девушка запнулась и непременно упала бы, если бы чьи-то руки не подхватили ее. Она подняла голову и посмотрела на своего спасителя. Им оказался седеющий охранник лет пятидесяти, с довольно добрыми, но безразличными глазами.

– Осторожно, милочка, – проговорил он, кашлянув. – Да... Эта к нам ненадолго, – добавил хмуро и очень тихо.

Девушка не хотела спрашивать, почему так. Двое сопровождающих её мужчин хмыкнули.

– Это падчерица особничего Вальдон, вот документы, – протянул бумаги один из солдат. – И давайте с этим быстрее.

Что нам за нее полагается?

– За эту не более трёх тельмов, – сказал охранник.

Осуждённая стыдливо отвернулась, подняв глаза к серому небу.

«Даже здесь моя жизнь ничего не стоит...» – мелькнуло в голове острое, как кинжал.

– Да, – пробурчал второй конвоир, – этого не хватит даже на хороший обед.

И сплюнул на землю.

В этот момент из-за правого крыла огромной крепости вышла колонна людей. Они маршировали, как вышколенные бойцы господаревой армии. Топот ног слышался отчётливо, пугающим грохотом. А в ушах новой узницы и вовсе звучал громом – предвестником грозы.

На каждом из марширующих была надета чёрного цвета роба, на руках блестели широкие витые браслеты. Проходя мимо, они искоса взглянули на новенькую, и даже с расстояния в два десятка метров были заметны их насмешливые взгляды.

Самым последним в колонне шёл высокий мужчина. Его мощная грудная клетка была затянута в замшу охотничьей куртки, сквозь которую проступали крупные мышцы. Длинные волосы, такие же чёрные, как стены Чертога Ночи, падали на широкие плечи, а вдоль лица превращались в тонкие косички. Острые и короткие, как щетина, бакенбарды указывали вниз, словно стрелы, красиво очерчивая мужествен-

ное лицо и акцентируя внимание на мужественной властной линии рта.

Незнакомец бросил на девушку мимолётный взгляд, и она вздрогнула, почувствовав ужас где-то глубоко внутри.

Ужас и стыд.

«Что бы ни говорили об этой тюрьме, но даже узники здесь выглядят лучше, чем я... – подумала девушка горько, закрывая глаза, – грязная оборванка, выгнанная отчимом из собственного дома».

– Хорошо, забирайте, – с отвращением сказал воин позади и толкнул ее вперед.

Девушка опустила голову. Чертог Ночи – единственная тюрьма, которая платит за преступников. Если суд приговорил человека к заключению, при некоторых обстоятельствах судья может дать возможность потерпевшему решить, в какую темницу будет брошен его обидчик. В этом случае, как правило, преступники попадают сюда.

Это и логично! Деньги никогда не бывают лишними, а уж если при этом ещё и пострадает твой враг...

В общем, отчим был крайне рад избавиться таким образом от своей падчерицы.

Стареющий охранник позвонил в колокол, и откуда-то сбоку вышло несколько мужчин в форме. Заключённая не видела их лиц: трава под ногами занимала её куда больше. Они подхватили девушку под руки, пока охранник вчитывался в текст сопроводительных документов.

– Так, вот, нашёл. Амелия Фати... да...

В этот момент он сделал паузу, явно для того, чтобы бросить на бедняжку злой неодобрительный взгляд. Взгляд, подобный тысяче других, которые она уже видела. А как же иначе, ведь в документе было написано преступление, за которое ее приговорили!

Поэтому Амелия не стала смотреть на охранника в ответ, продолжая изучать траву.

– В правое крыло номер пять. К другим убийцам, – раздался безразличный голос.

Амелия вздрогнула. К этому было слишком сложно привыкнуть.

Грязные с дороги и стоптанные от времени туфли стало плохо видно. Словно тонкое оконное стекло забрызгало широкими крыльями дождя.

Девушка закрыла глаза.

– Стойте, – раздался низкий мужской голос, от которого мурашки холодной волной пробежались по спине арестантки. Она подняла голову и встретилась взглядом с самым красивым мужчиной из всех, которых ей когда-либо доводилось встречать. Это был *он*, тот самый господин, что замыкал отряд преступников, марширующих вдаль. Сейчас, когда он был так близко, она могла рассмотреть каждый уголок его твёрдого лица и удивительных глаз цвета стали и ртути.

Зачем он подошел к ней?..

«Как же мне не хочется, чтобы он смотрел на меня... вот

так...» – подумала с горечью девушка, чувствуя, как сердце отчего-то сжимается.

Глаза незнакомца холодно и оценивающе скользнули по её длинной серой юбке, из-под которой сиротливо торчали тонкие ножки, затем переместились на бесформенную кофту на завязках и мельком пробежались по растрёпанной косе цвета отсыревшей соломы. Осмотрев арестантку с ног до головы, он снова взглянул ей в глаза.

Девушка вздрогнула, словно её ударило током. Она вновь посмотрела на свои старые ботинки и тяжело задышала. На щеках выступил румянец.

Незнакомец зашуршал документами. Сейчас он увидит, что в них написано, и на его лице появится то самое осуждающе-презрительное выражение, что и у всех остальных.

«Нет, я этого не вынесу! – подумала Амелия, сжимаясь, как высыхающий лист. – Больше я никогда не посмотрю ему в глаза, клянусь!»

– Левое крыло номер три, – резко сказал незнакомец и вернул бумаги охраннику.

– Но, господин, – проямлил тот, – обвинение...

– Левое крыло, – медленно произнёс мужчина голосом, от которого внутри у осуждённой всё похолодело, – номер три.

Наконец она осмелилась поднять глаза на этого человека, удивлённая реакцией, которая сильно отличалась от привычной.

Почему он перевел ее в другое место? Почему не туда, где

полагалось селить убийц?..

Но незнакомец уже развернулся и чеканным шагом удалялся прочь. Охранник, которому вернули документы, заметно побледнел и, чтобы скрыть нервозность, командным тоном выкрикнул:

– Вы слышали Его Высокоблагородие! Исполнять!

Новые караульные подхватили арестантку и повели в крепость, которая должна была стать ей домом до конца дней. Однако, судя по тому, что Амелии было известно о Чертоге Ночи, конец этот должен был наступить очень скоро.

Этюд 2. Знакомство

Это было странно, но камеры для заключённых здесь выглядели вовсе не так, как Амелия себе представляла. Каменные стены, обхватывающие каземат со всех сторон, обрывались небольшим отверстием, скрытым сетью решётки. Однако на гладком, чисто вымытом полу располагались две вполне приличного вида кровати, у изголовья которых стояли открытые тумбочки. На одной из кроватей сидела женщина лет тридцати пяти, с худым, но не измождённым лицом, тёмно-серыми волосами, забранными в пучок, и колким взглядом. Этим самым взглядом она и окинула новенькую с ног до головы и, хмыкнув, сложила руки на груди.

– Твоя комната, – бросил в спину один из тюремщиков. – Постель получишь позже, после того как Его Высокоблагородие комендант лично выдаст напульсники. Изарель – твоя соседка. Выход за пределы крепости запрещён.

С этими словами тюремный охранник закрыл скрипучую дверь с небольшим решётчатым оконцем. Всё. Отныне прежняя жизнь скромной падчерицы особничего Вальдон закончилась.

Девушка прошла внутрь комнаты и села на пустую кровать. У нее не было с собой никаких вещей, потому что заключённым не полагалось их иметь, и на тумбочку рядом она посмотрела довольно скептически. Хотя у соседки внут-

ри лежала какая-то одежда – может быть, и у нее потом появится что-то свое.

– Как тебя зовут? – глухо спросила женщина, которую представили как Изарель.

Весь её вид – от скрещенных ног до красноречиво сложенных на груди рук – говорил о том, что новую соседку она видеть вовсе не рада.

– Меня зовут Амелия Фати, – тихо ответила арестантка, сжимая руками полы длинной юбки.

– Амелия, – медленно повторила женщина, презрительно оглядывая ее с ног до головы. – Сколько тебе лет, Амелия? На вид – не больше пятнадцати.

– Девятнадцать, – ответила та. Ей всегда давали меньше из-за низкого роста и худобы.

– Так что ты украла, Амелия? Хлеб из булочной? – спросила Изарель так, словно пыталась её оскорбить. И неприятно усмехнулась.

– Украла?

– Ну да? За что тебя взяли, недоросль? – уточнила заключенная, нетерпеливо всплеснув руками.

– За покушение на убийство, – ответила девушка нехотя. «Вот сейчас и она начнёт меня осуждать, посмотрит сузившимися глазами, в которых просквозит отвращение», – мелькнула привычная болезненная мысль.

– Не может быть, – медленно проговорила женщина, и во взгляде её вместо ожидаемого коктейля презрения обнару-

жились лишь удивление, может даже с некоторой долей восхищения.

– Почему? – не поняла Амелия.

– Врёшь ты всё, – хмыкнула Изарель и откинулась назад, прислонившись спиной к стене. – Это крыло для воровок и мошенниц. На последнюю ты не тянешь, как и на убийцу. Ты ж беспозвоночная, это сразу видно!

Амелия пожала плечами.

– Не скажешь, значит? – говорила соседка, словно сама с собой. А девушке и правда не хотелось отвечать. Эта женщина производила опасное и бандитское впечатление. Падчерица уважаемого особничего к такому совершенно не привыкла и не знала, как реагировать.

– Ну и не надо, я сама скоро узнаю, – пробурчала Изарель.

– Я вообще не должна быть здесь, меня подставили, – все же призналась Амелия, разглядывая гладкий камень пола.

На этот раз женщина захохотала.

– Все так говорят, недоросль. Все.

В это мгновение дверь в камеру открылась, и сердце новенькой арестантки замерло. На пороге появился тот самый мужчина, которого все называли комендантом. Чёрные волосы разметались по плечам, маленькие косички, заплетённые чуть назад, открывали чётко выраженный овал лица, тщательно выбритые треугольники бакенбард и сильный подбородок. Опустив глаза чуть ниже, Амелия смогла оценить широкую шею, плечи, достойные княжеского рыцаря,

и грудь, мышцы которой проступали через тонкую ткань рубашки.

Дыхание девушки перехватило, мысли смешались в голове, словно она сделала большой глоток терпкого крепленого вина. На щеках сам собой загорелся румянец.

В это время блестящие, словно расплавленное серебро, глаза посмотрели на арестантку пристально и не мигая.

Амелия вздрогнула, испытывая странное ощущение... словно падает на дно озера, полного чего-то густого и горячего.

Стало трудно дышать.

Позади коменданта появился охранник. Он же и рявкнул: – Встать и приветствовать его Высокоблагородие!

Оказывается, Изарель уже давно подскочила на ноги и, к изумлению новенькой, взирала на главу крепости с блеском в глазах и немым обожанием на лице.

«Похоже, этот мужчина не только на меня так действует...» – подумала Амелия, пытаясь вернуть себе способность дышать.

С этой мыслью Амелия постаралась взять себя в руки и больше не смотреть на своего нового начальника.

Не выходило.

– Номер сорок восемь! Изарель Лоран, отряд запасных, – отрапортовала ее соседка, а она сама синхронно с ней пробубнила:

– Здравствуйте... – и тут же поняла, как глупо это про-

звучало.

– Коменданта приветствуют не так, – зашипел было охранник, но комендант поднял руку, не сводя с Амелии своего острого колдовского взгляда.

– Она ещё не знает, – спокойно сказал он. – Моё имя – Вайлар Таркон. Я комендант Чертога Ночи, крепости-тюрьмы. Здесь умирают отъявленные преступники и рождаются Чёрные ловчие. Вытяни руки.

Амелия послушно протянула вперёд ладони, заворожённо глядя на мужчину, чья слава гремела на все княжество. Она вдруг почувствовала себя кроликом, которого загипнотизировала кобра. Только почему-то ей это нравилось. В этот момент Амелия была готова приписать коменданту любые положительные качества, которые только существуют на свете. Она была поражена им до глубины души.

Она улыбнулась, широко открыв большие карие глаза, глядя на Вайлара Таркона так, как глядят на богов, и не замечая, как глупо, наверное, смотрится со стороны. Амелия не замечала ничего вокруг.

Но мужчина оставался бесстрастен. И её улыбка медленно потухла.

Амелия вспомнила, кем является. Представила, что видит перед собой этот красивый мужчина, и резко сникла.

Она была лишь грязной оборванкой и преступницей.

Амелия направила взгляд в пол, чувствуя, как заливают краской лицо.

В этот момент мужчина приложил к её запястьям два черных металлических обруча, блестящих, словно драгоценный металл, как настоящее, крайне редкое и дорогое чёрное золото, обладающее магическими свойствами, и захлопнул застёжку.

В следующий миг его пальцы коснулись ее предплечий.

Амелия вздрогнула, ощутив жар мужских ладоней, теряясь от его прикосновения, которое буквально кружило голову.

У него были очень теплые руки. Почти горячие, но настолько, что это было невероятно приятно...

А в следующую секунду нагреваться стали браслеты. Девушка вскрикнула, пытаясь выдернуть ладони, но мужчина держал крепко. Амелия подняла на него полный ужаса взгляд, встретившись с твёрдым безразличием стальных глаз.

Это подействовало не хуже пощёчины.

«Конечно... я же всего лишь преступница...» – вспомнила она, прикусив губу.

Так легко было забыть, так хотелось...

Амелия замолчала, стараясь погасить жжение в уголках глаз.

В этот миг ей вдруг показалось, что на лице коменданта промелькнуло что-то неуловимое. Впрочем, всегда приятнее выдавать желаемое за действительное.

Через секунду лицо Вайлара Таркона снова было холод-

ным и безразличным.

Тем временем браслеты на ее руках начали остывать. Амелия с удивлением обнаружила, что они почти полностью прилегают к коже, подстроившись под размер тонких запястий.

– Завтра я проверю твой уровень, чтобы определить в один из отрядов, – сказал комендант. – Хотя и так видно, что выше апелленгов тебе не прыгнуть, однако правила есть правила. Одежду скоро выдадут. По территории Чертога можешь гулять где угодно два раза в сутки, когда услышишь звон колокола. За драку с другими заключёнными будешь попадать в эргастул. Поверь, тебе там не понравится, поэтому рекомендую вести себя хорошо. Кроме того, с помощью этих браслетов, – он постучал по металлу одного из них, и Амелия вздрогнула, ощутив вибрацию его касания, – я всегда смогу узнать, где ты находишься, если тебе вздумается сбежать. Снять их невозможно. Тебе ясно?

Его тон был жёстким, как приказ. Чувствовалось, что он привык отдавать команды, которые мгновенно исполнялись. Но из всей его короткой речи, ледяной, как воды Северного океана, Амелия поняла лишь одно: «Завтра я опять его увижу! Когда он будет определять меня в какой-то там отряд...»

И она вдруг почувствовала себя маленькой глупой девочкой, потому что сердце забилось быстрее.

– Ясно, – почти прошептала девушка. Тюремщик за спиной коменданта недовольно сжал челюсти.

«Опять сказала не так, как надо», – поняла она, прикусив губу и краснея.

Но комендант спокойно кивнул и, развернувшись, покинул камеру. Напоследок, когда дверь почти закрылась, Амелия поймала его короткий, как вспышка, взгляд. И почему-то ей почудилось, что он не был таким уж до боли безразличным. В нём сквозило любопытство и какое-то иное чувство, едва уловимая мысль.

Но, вероятно, ей просто хотелось так думать.

– Я смотрю, наш комендант тебе понравился, малявка? – усмехнулась неприятная соседка, едва раздался щелчок замка. Амелия решила промолчать, но это вовсе не останавливало ту от дальнейшего озвучивания своих мыслей. – Да, он на всех женщин так действует. Кто-то даже считает, что это магия. Но как по мне, так никакой магии не нужно, когда мужик такой, как этот!

И она захохотала.

– А какой он? – спросила Амелия задумчиво.

– Наследник древнего рода, рыцарь Серебряных клинков, Первый ловчий царства – неужели ты о нём не слышала? – удивилась Изарель, и на её худом лице вместо привычного уже презрения появилось неподдельное изумление. – Маг пятого уровня – может, это скажет тебе о чём-нибудь?

Конечно, Амелия слышала. Но до сего момента почему-то две личности не складывались у нее в одного человека: комендант крепости с загадочными глазами цвета ртути и

единственный известный миру маг пятого уровня. Колдун и волшебник, сделавший свой замок тюрьмой для самых отъявленных преступников. Подаривший государству хотя бы относительную иллюзию спокойствия, создав на границе за-слон от монстров диких земель.

– Мечта любой бабы наш комендант – вот что я тебе скажу, – продолжала женщина, будто смакуя собственные фантазии. От этого у Амелии почему-то стало гадко на душе. – И, представляешь, говорят, нет у него никого! Чем не сладкий пирог для нашей сестры?

Она хохотнула.

– Ну да, тебе-то губу можно не раскатывать, – продолжала Изарель, бросив на новенькую уничтожающий взгляд, – на такого головастика, как ты, и жаба-то ни одна не клюнет!

И снова хохот. Похоже, Амелия стала для нее прекрасным развлечением. Но девушке было не привыкать к оскорблениям. После смерти матери отчим не скупился на «добрые слова».

«И зачем я терпела все эти годы его издевательства? – мелькнула в голове бесполезная мысль. Все равно все закончилось тюрьмой...»

– А что за апелленты? – спросила Амелия, вспоминая слова Вайлара.

Сокамерница ухмыльнулась, но девушке показалось, что на её лице промелькнуло что-то похожее на сочувствие.

– Приманка. Апелленты – это приманка для монстров ле-

са. Заключённые, обладающие наименьшим запасом магии, определяются в этот отряд. Они идут первыми, когда начинается облава.

Девушка вздрогнула. Да, магией её природа не наделила.

«Какое неприятное ощущение – даже среди воров и убийц чувствовать себя на последнем месте...»

Амелия поёжилась, словно от мороза. Но дело было вовсе не в холоде.

Осознание собственной ничтожности давило на нее сильнее, чем стены тюрьмы, в которой ей предстояло провести всю оставшуюся жизнь.

А ведь на крохотную секунду ей показалось, что среди крошечной тьмы мелькнул проблеск света – в тот самый миг, когда ее рук коснулись горячие ладони коменданта, а глубокие ртутные глаза начали затягивать в свою темноту.

Крохотная секунда, после которой тьма стала казаться еще гуще.

«Что толку, что я увижу завтра вновь этого мужчину, почему меня это так обрадовало? – думала Амелия, уныло располагаясь на жёсткой тюремной кровати. – Зачем мне глядеть на него?.. Я всё ещё буду грязной отвратительной узницей без прошлого и будущего. Даже без магии. А он останется великим магом, которого мне мельком довелось увидеть...»

На следующий день все было хуже прежнего. Утром Амелию и Изарель повели мыться в большие общие купальни.

Девушке было стыдно и неловко раздаваться при таком количестве женщин. В её родовом особняке на нее могла смотреть одна-единственная горничная, которая ей и помогала. Здесь же были десятки заключённых. Голые, грязные и крикливые. Вдобавок ко всему в самый неудачный момент Амелия упала, поскользнувшись на мокром полу, и больно ударилась. Громкий хохот только усиливал боль от ушиба.

Оставалась последняя отрада, обещавшая покой и хоть какую-то иллюзию свободы, – прогулка. Первая прогулка в Чертоге Ночи. Амелия планировала снова насладиться светом солнца и мягкостью травы, а заодно спрятаться подальше от многочисленных глаз заключённых.

И кто же знал, что этот глоток свежего воздуха уже через каких-то полчаса перевернет всю её жизнь?

Этюд 3. Ритуал

Когда зазвенел большой колокол над крепостью, все двери открылись. Наконец-то узники получили возможность покинуть гнетущие каменные стены.

Амелия неуверенно брела в общей массе людей, одетых в одинаковую форму цвета пожухлой травы. На неё бросали любопытные взгляды, а она старалась смотреть вниз, не обращая внимания на смешки и перешёптывания.

Худенькая, невзрачная и слабая, лишенная магии, она казалась слишком ничтожной по сравнению с остальными.

Однако солнце над Чертогом Ночи было теплым и ясным. Оно одинаково освещало и преступников, и свободных людей, даря и тем и другим свою ласку.

Проходя по каменной мостовой, ведущей прочь от замка, девушка вдруг оказалась совсем рядом с несколькими заключёнными, стоящими отдельной группой. Почему-то они носили чёрную форму, в отличие от остальных, и выглядели на порядок уверенней, чем безвольная толпа болотного цвета. В их глазах не светилась безысходность, а на руках из-под рукавов формы виднелись красивые витые браслеты, также напоминающие дорогущее черное золото.

Амелия инстинктивно поняла, что перед ней нечто вроде элиты, и попыталась побыстрее пройти мимо. Но не успела.

– Так-так, – проговорила одна девушка в черном, моло-

дая особа лет двадцати пяти, с копной густых белых волос, убранных в высокий хвост, – кто это у нас здесь?

– Свежее мясо, – ответил ей парень примерно того же возраста. Среди их группы были только молодые люди. На вид – ни одного старше тридцати пяти.

Ещё один очень странный факт, учитывая, что в тюрьму свозили преступников всех возрастов. Впрочем, если слабейшие тут умирали первыми, то, наверное, все же ничего странного.

После ответа парня товарищи понимающе улыбнулись, осматривая Амелию самоуверенными взглядами.

– Эта долго не задержится, – продолжила блондинка вызывающе.

Она нравилась Амелии все меньше.

– К гадалке не ходи, – кивнул кто-то позади.

Девушка отвернулась и покраснела, закусив губу. Взгляд привычно упал в землю.

Подул ветер. Вдруг длинные полы её старой юбки перепутались между ногами, Амелия споткнулась и полетела вперёд, вскинув руки, как неуклюжая цапля. Звонкий, словно удар хлыста, хохот за спиной обжигающей волной ударил по самолюбию.

Но Амелия ничего не сказала.

Встала, отряхнулась и побрела по тропинке как можно дальше от толпы. Территория Чертога Ночи оказалась до того обширной, что напоминала небольшое поселение. Здесь

были дома и постройки, в некоторых даже жили. Вдали виднелось кладбище, а с другой стороны – полоса густого леса прямо за высокой чёрной стеной, которая должна была защитить преступников от диких монстров. Преступников и всё государство.

Девушка поёжилась и пошла в другом направлении. Издали виднелся зелёный холм, поросший травой. На много метров вокруг было пусто. Холм располагался почти у самой границы с крепостной стеной и казался прекрасным местом, чтобы на время спрятаться ото всех.

В какой-то мере Амелия была даже рада, что попала именно в эту тюрьму. Да, поговаривали, что заключённые здесь долго не живут, но зато и условия тут были не в пример лучше. Настоящее чудо, что преступникам разрешалось вот так просто и свободно гулять по округе, пусть и всего дважды в день.

На холме, куда она без труда забралась, росли цветы и дикие кустарники, молодые деревца стеснительно тянули ветки к солнцу. Некоторое время девушка молча просидела на траве, стараясь не думать ни о чём, но получалось плохо. Амелия грустила. Одуванчики в её руках медленно превращались в венки, а млечный сок въедался в тонкую кожу, оставляя чёрные следы. Но девушка не обращала внимания.

В какой-то миг чуть в стороне раздался тихий треск. Амелия вздрогнула и резко повернула голову, внезапно обнаружив рядом ещё одну девушку. С трудом она смогла подавить

крик, потому что половина лица незнакомки оказалась синеватой и иссушенной, словно у трупа. Серые пятна, похожие на плесень, будто поедали левую щеку, задевая глаз, делая его похожим на подгнившую жёлтую сливу.

– Хватайте её! – крикнула эта полуживая ведьма, молниеносно прыгнув вперёд.

Вскочив на ноги, Амелия приготовилась умчаться прочь быстрее ветра, однако неожиданно почувствовала, что не может сдвинуться с места. Нечто холодное и болезненно-ватное стало подниматься от земли по ногам, сковывая кости и мышцы, не давая шевельнуться. Она открыла рот для крика, но страшная девушка выставила вперёд потрескавшиеся серые пальцы, сжатые, как у хищной птицы. Она улыбнулась страшной кривой улыбкой, и Амелия поняла, что не может даже кричать.

Страх пронзил, как раскалённая стрела, на глаза навернулись непрошеные слёзы. Но как бы девушка ни пыталась вырваться, ничего не могла сделать.

За спиной этого монстра, что когда-то был юной леди, тут же выросли ещё несколько человек. Они мгновенно подхватили Амелию под руки и распластали у подножия холма. Оказывается, среди диких кустов и травы, скрытая от глаз, там лежала ровная каменная плита. Ее было слишком сложно заметить, если не знать заранее. Теперь же Амелия имела сомнительное удовольствие ощутить спиной всю ее гладкость и пугающую прохладу.

– Шания, кинжал! – крикнула полумертвая ведьма, и рядом с ней появилась женщина, чьё лицо могло поспорить бледностью с лунным диском.

В воздухе блеснуло длинное и тонкое лезвие.

Сердце Амелии почти остановилось от ужаса. Руки похолодели, в горле застыл крик. Но даже несмотря на смертельную опасность тело упорно отказывалось слушаться, скованное проклятым колдовством.

– У нас мало времени! – продолжала ведьма. – Травы, быстро!

Какие-то мужчины разорвали у Амелии на груди рубашку. На глаза девушки навернулись слёзы, но не удавалось даже моргнуть, чтобы их смахнуть.

На живот ей положили какие-то пучки соломы, и один мужчина с растрёпанными серебристо-белыми волосами произнёс:

– Ты уверена, что нужно убивать?

– Заткнись и смотри по сторонам, как мы договаривались! – прошипела полуживая колдунья, перехватив поудобнее кинжал.

В этот момент прозвучал крепостной колокол, а за ним всю окрестность разорвал ужасно громкий и пронзительный звук.

Что-то происходило. Это был не просто клич для арестантов, уведомляющий о том, что пора возвращаться. Что-то другое...

В груди Амелии снова бешено застучало. Смутная надежда мелькнула внутри и вспыхнула еще сильнее, когда она услышала:

– Это сирена! Он знает, что мы здесь, – прозвучал мужской голос, свистящим шёпотом.

В тот же миг девушка с мёртвым лицом начала что-то быстро-быстро говорить. Амелия не понимала ни звука. Слова этого языка были настолько старыми, казалось, никто из живущих и вовсе не должен знать их.

Неконтролируемый страх сжал в тиски желудок Амелии. Чем быстрее говорила ведьма, тем больше странных ощущений появлялось у девушки. Теперь она ясно чувствовала: что-то колючее и смрадное шевелилось в недрах холма.

Старая плита слабо вздрогнула.

– Заклятие работает, – сказал один из мужчин своим шипящим голосом. Амелия не видела его, да и не хотела смотреть. Всё её внимание было приковано к острому, как игла, лезвию, которое уже было занесено над её грудью.

Сердце билось как бешеное, словно совершая последние удары в жизни. Стало ясно, что это конец.

При этом перед Амелией не мелькали события прожитого, она не видела улыбающихся лиц ушедших родителей. Ничего подобного. Она с кристальной четкостью отмечала лишь то, что происходит прямо сейчас: блеск холодных глаз полуживой ведьмы, переливы тонкой и острой стали, свистящее дыхание рядом и голодный шорох под холмом.

Когда ведьма стала опускать руку, девушка хотела закричать, но её рот был намертво склеен магией.

А затем ледяной кинжал вошёл в ее грудь.

Лезвие легко разорвало плоть, проскользнув между ребер и не находя сопротивления. Чудовищная боль пронзила тело Амелии, частично срывая магию неподвижности.

В этот момент немой ужас девушки, наконец, обрёл звук. Однако громкий хрип, слетевший с ее губ, все равно потонул в шелесте травы, вое ветра и разговорах нелюдей.

– Таркон! – раздался шипящий голос. – Селина, мы не успеваем!..

– Неужели всё зря?!

Сковывающее заклятье окончательно пало, руки и ноги девушки смогли двигаться, только было уже поздно. Жёлтый, как солнце, венчик из одуванчиков выпал из разжатых пальцев на холодную землю. Заключённая погрузилась в чёрную пустоту, вряд ли ожидая, что это был не конец её истории, а лишь начало.

Симфония

Этюд 1. Явление

Пустота. Тьма. Смерть.

Кажется, я умерла. Вокруг не было совершенно ничего, и мне не хотелось ни смотреть, ни понимать. Однако внезапно из крошечного мрака появились два ослепительно сияющих золотых глаза, вырывая меня из беспамятства. Они смотрели спокойно и тепло, распространяя вокруг оранжевый свет.

– Я могу исполнить твоё желание, – вдруг раздался голос из пустоты. Звонящий и тихий, грохочущий и шелестящий одновременно. Вместе с тем я понимала, что на самом деле никто не говорит. Этот голос словно был мыслью в моей голове. А может быть, вовсе и не моей мыслью, а чьей-то чужой...

– Ты навсегда избавишься от тяжести на плечах, – продолжал голос, – и за спиной у тебя вырастут крылья, которые никто не будет видеть. – Хочешь?..

– Зачем мне это? – оформилась моя собственная мысль.

– Ты станешь такой, какой могла бы стать, и будешь нести свет, который не доступен ни одному человеку. Я помогу тебе воплотить в жизнь всё, о чём ты мечтала.

– Звучит подозрительно, – подумала я. – Так сирены за-

влекают моряков красивой песней, чтобы потом их съесть.

Золотые глаза прищурились будто бы в улыбке.

А может, в оскале.

– Ты умираешь. И без меня твой дух отлетит так быстро, что за ним не поспеет даже ветер колыбели богов. Но если позволишь, мы станем одним целым. Однако ты никогда больше не будешь собой, а я перестану быть той, кто я есть. Амелия Фати и Аллегрион Златопламенная исчезнут навсегда. Но ты... ты будешь жить. На пороге собственной смерти, скажи, согласна ли ты на это?

Я молчала. Все мысли словно улетучились.

– Я не смогу долго сохранять твою жизнь, девочка, – громыхнул голос, но, казалось, в нем не было раздражения. И это подкупало. – Сейчас или никогда. Каков будет твой ответ?

Золотые глаза смотрели вопросительно, но спокойно. Они словно ничего не требовали от меня и были готовы к любому ответу. Это и подтолкнуло моё решение: зло всегда настойчиво.

– Я согласна.

Тысяча золотых искр вспыхнула, озарив тьму оранжевым светом. В груди стало невыразимо тепло, даже горячо. Но жар не обжигал. Напротив, я почувствовала небывалый прилив сил, словно за моей спиной выросли крылья. А потом жар начал становиться сильнее и сильнее, словно сжигая что-то внутри. Это было одновременно и больно, и приятно.

И когда огонь потух, больше не было ни страха, ни стыда,
ни вины.

Я готова была...

Жить.

Этюд 2. Тренировочный бой

Когда я открыла глаза, всё вокруг было слишком белым. Прищурившись, поднялась с постели, и оказалось, что я сижу на мягкой кровати в какой-то странной комнате. Когда глаза привыкли и появилась возможность осмотреться, сомнений не осталось: это больница. На груди у себя я обнаружила чистые тугие бинты, а на ногах – старую юбку. Ну хоть что-то было на месте.

Моргнула. Как вспышка пришло воспоминание: надо мной склонился самый прекрасный мужчина из всех, кого мне доводилось встречать. Его чёрные как ночь волосы касались моего лица, а на коже я чувствовала его горячее дыхание.

– Что за колдовство? – прошептал он, и мурашки пробежали у меня по спине.

Вайлар Таркон, комендант Чертога Ночи. Он был здесь? Или мне это приснилось? Наверняка приснилось. Что ему здесь делать, в палате простой арестантки?

Оглядевшись, я поняла, что совершенна одна. Не хотелось привлекать внимание, а тем более оставаться здесь дольше. Больницы я с детства не любила с их вечным запахом лекарств, притираний и магических составов. С ароматом смерти отправившихся на тот свет бедолаг, которые еще недавно лежали на той же койке, что и я. Или совсем ря-

дом...

Я чувствовала себя прекрасно, несмотря на то, что воспоминания о том, как меня пытались убить, были всё ещё болезненно свежи. Хорошо, что удалось спастись, хоть я и понятия не имела как. Кажется, кто-то пришёл ко мне на помощь. Неужели сам комендант?

Вероятно, нападавшие чем-то приложили меня по голове, раз я так надолго потеряла сознание. Правда, зачем тогда эти бинты на груди?

Недолго думая, я соскочила с кровати и крадучись выбралась из госпиталя. Он оказался совсем недалеко от основной крепости, можно было прогуляться.

Думала ли я, что нарушаю тюремный режим? Думала.

Думала ли я, что в госпитале лежать гораздо комфортнее, чем в камере? Думала.

Но мне не терпелось вернуться. Я хотела пообщаться со своей соседкой, хотела узнать, как комендант охотится за монстрами, хотела узнать, что за отряды формируют из заключённых и почему некоторые из них ходят в чёрной форме. Я хотела знать всё!

Во мне словно проснулась какая-то жажда. И почему прежде мне казалось, что попадание в Чертог Ночи равносильно смерти? Глупость какая! Сейчас это выглядело рискованым, но вполне неплохим приключением, и кто знает, чем оно может закончиться?..

Я подобрала юбку, расправила надоевшую косу, с насла-

ждением зарывшись пальцами в мягкие пряди. Странно, но они вдруг показались мне почти золотыми, а вовсе не бледно-русыми, как прежде. Наверное, это слишком яркое солнце сделало свое дело, хотя это и казалось невозможным. Впрочем, может, это в лазарете меня так хорошо подлечили, что даже волосы стали выглядеть здоровее? В конце концов, последние несколько лет после смерти матери я даже ела изредка и урывками, пока отчима не было рядом. Здоровью и красоте было взяты попросту неоткуда.

Но теперь отчима больше не было рядом, и я впервые за многие месяцы ощутила себя... свободной. Странно думать об этом, находясь в тюрьме, но я и впрямь чувствовала себя счастливой и с этими мыслями почти вприпрыжку направилась в свою камеру.

Как оказалось, на дворе стояло утро, и я попала аккурат на время первой прогулки. Заключённые разбились по группам и заполнили собой весь крепостной двор. С предвкушением чего-то веселого и прекрасного я пересекла один из холмов, отделяющих госпиталь от замка, и направилась к толпе. Как-то отстраненно я вспоминала, что прежде большие скопления людей меня пугали, но теперь это казалось лишь глупым и странным. Словно я слишком долго была не в настроении. Но теперь все изменилось! Да и немудрено: оказавшись на пороге смерти, начинаешь лучше ценить жизнь. Так что меня ничто не удивляло.

Сперва меня никто не замечал, но очень скоро белые бин-

ты на моей груди привлекли всеобщее внимание. Кто-то что-то крикнул, указывая на меня, и тишина ватным пологом навалилась на всю округу. Люди тихонько шептались, не сводя с меня глаз, и впервые в жизни я не чувствовала при этом себя неловко. Всеобщий интерес даже показался приятным. Меня так давно никто не замечал, что теперь от каждого взгляда где-то в районе затылка будто-то бы зарождалась легкая щекотка. Забавное ощущение!

Внезапно я слегка запнулась, как в прошлый раз, но теперь легко удержала равновесие. Опустив голову вниз, посмотрела на свою предательницу-юбку. Дважды уже она пыталась меня покалечить!

Прищурившись, я взглянула на неё последний раз и сильным резким движением оторвала подол. Да, теперь она стала излишне... коротковатой, зато не жарко!

Кто-то в стороне напряженно замер, послышался новый шепот.

Постаравшись не краснеть, я продолжила путь и едва не улыбнулась, проходя мимо группы мужчин в чёрной форме, которые на этот раз смотрели несколько иначе. Может быть, мне показалось, но в их взглядах уже не было ни презрения, ни безразличия. Их глаза блестели, некоторые беззастенчиво пялились на мою перемотанную бинтами грудь в разорванной рубашке, другие – на обнаженные ноги. Кто-то даже присвистнул.

Откуда-то в моей голове появилась острая и быстрая

мысль: «Красота вторична... Ее видят глазами. Но уверенность и силу чувствуют кожей...»

Не помню, чтобы кто-то говорил мне нечто подобное, но я, признаться, была склонна согласиться.

Женские взгляды были ещё красноречивей. Их можно было понять: я слишком выбивалась из толпы вокруг. Меня обтягивала одежда, не предусмотренная Чертогом Ночи, и более того, на этот раз это были вещи вызывающие и открытые. Тюремная форма таких вольностей, как короткая юбка, не позволяла. Все женщины носили брюки и рубашки с широким поясом. Волосы их были туго заплетены или острижены.

Впрочем, скоро и я буду выглядеть так же. Но меня грела мысль, что теперь все эти люди станут помнить меня другой. Такой, какая я сейчас.

В голове в очередной раз мелькнуло осознание всей моей прежней жизни. Будто я смотрела со стороны на свои поступки и не понимала: как все это могло случиться со мной?

Почему раньше окружающий мир пугал меня, казался чужим и жестоким? Почему я совершала одну ошибку за другой? Почему не добила оправдательного приговора, когда отчим откровенно лгал в суде, обвиняя меня в том, чего я не совершала?.. Почему, в конце концов, я не убила его по-настоящему, когда он всё же отдал меня под суд?

Ведь он это заслужил! А я при таком раскладе отбывала бы наказание за дело, а не просто так. По крайней мере, это было бы честно.

Продолжая неторопливо идти по дороге к Чертогу, я покачала головой.

Конечно, убийство не выход. Убийцей мне быть не хотелось, хотя что-то внутри твердило: ничего ужасного в этом нет. Однако стоило признать, что испортить жизнь своему отчиму я вполне могла. Могла остаться, чтобы отвоевать свой дом, который остался после смерти матушки. Я могла... многое. Но ничего не сделала.

– Почему вы покинули госпиталь? – раздался еще один вопрос из тысячи других, только на этот раз он прозвучал не в моей голове. Низкий голос, произнёсший его, был похож на рычание голодного тигра.

Я вздрогнула, и по телу разлился... не страх. Впервые не страх, а странное предвкушение.

Вайлар Таркон.

Я резко развернулась, уже зная, с чьим взглядом цвета стали вот-вот встречу, и уверенно ответила:

– Потому что со мной все в порядке.

Глаза коменданта крепости странно блеснули, снова утягивая в свою глубину.

По спине прокатилась волна мурашек.

В лице этого мужчины было что-то опасное и притягательное одновременно. От него было невозможно оторвать взгляд, несмотря на то, что я обязана была скромно опустить глаза в пол, признавая свой проступок.

Комендант имел право командовать мной, управлять. И,

несмотря на то, что по факту это было ужасно, ведь я больше не принадлежала себе, это все равно удивительно будоражило кровь, рождая что-то горячее внутри.

– В порядке вы или нет, должен решить лекарь, – жёстко ответил мужчина, и мне почудился удар хлыста. От его голоса огонь разливался по венам, и с этим ничего нельзя было поделать.

Но, что самое удивительное, я больше не испытывала перед ним страха или стыда. Ну и что, что я в данный момент всего лишь преступница и оборванка, перемотанная бинтами? В конце концов, это то, что я изменить не могу. Это то, кто я есть. И не стоит пытаться показаться кем-то другим.

– Мне не нужен лекарь. Со мной всё в порядке, – сказала снова и заметила, как зубы коменданта сжались.

Конечно, я не имела права проявлять непослушание, это было и ежу понятно. Но... единожды почувствовав свободу, я ощущала себя опьяненной. Мне хотелось большего...

Откуда-то со стороны уже появились охранники. Остальные заключённые образовали круг рядом, внимательно прислушиваясь к разговору.

– Вы забываетесь, Амелия Фати, – ледяным голосом отчеканил комендант.

По позвоночнику пробежала волна дрожи.

Разум твердил: «Извинись, дурочка! Склони голову!»

Но единственное, о чём я в этот момент могла думать, так это о том, что Вайлар Таркон, комендант самой большой и

страшной крепости-тюрьмы, помнит моё имя.

Мое... имя.

– Прошу меня простить, господин, – мягко проговорила я, глядя лишь в его дикие глаза, чья серость медленно обращалась в ртуть. – Но я хотела бы искупить свои преступления, служа государству, а не валяясь в лазарете.

Мужчина удивлённо приподнял бровь. Он сложил руки на широкой груди, отчего рубашка плотно натянулась на плечах и мощных бицепсах.

Я громко сглотнула.

А лицо Вайлара стало почти насмешливым.

– Вам ещё не присвоен номер и не определён отряд, – неторопливо проговорил он, хотя мне казалось, что с его губ хочет сорваться что-то совсем иное.

– Я готова, – ответила, пока он не решил вновь отослать меня куда-нибудь подальше.

Кровь начинала бурлить все сильнее. И тем жарче мне становилось, чем дольше этот мужчина стоял возле меня. Словно сам воздух нагревался вокруг, и я больше всего на свете не хотела, чтобы это прекратилось. Чего хорошего в том, чтобы отправиться обратно в свою холодную унылую камеру?

Здесь, рядом с ним, мне было горячо, я чувствовала себя живой...

– Прямо сейчас? – Теперь уже обе брови коменданта удивлённо взлетели вверх.

За спиной кто-то зашептался.

– Если вам будет угодно. – И зачем-то добавила неуставное: – Господин.

Ведь помнила же, что здесь так не принято. Но почему-то все равно сказала.

Словно что-то рвалось изнутри. Но что это было – жажда противоречия?

Обычно мне страшно лишнее слово бросить, прежде всегда казалось, что чем тише и незаметнее себя ведешь, тем меньше проблем. Сейчас такая жизненная позиция казалась почему-то весьма сомнительной.

Тогда кто же меня за язык тянул? Может, после того, как я избежала смерти, что-то в голове щелкнуло и прямо сейчас это была попытка флирта с комендантом, который, откровенно говоря, жутко мне нравился?

Не знаю. Я никогда в жизни ни с кем не флиртвала.

Один из охранников за плечом Таркона зашипел:

– К коменданту обращаться Его Высоко...

Но Вайлар резко вскинул руку, и тот замолк.

Я сдержала улыбку. В венах бурлила кровь, словно я была пьяна.

Одно можно было сказать точно: рядом с комендантом Чертога Ночи на меня находило серьезное умопомрачение.

На лице главы крепости отразилось недвусмысленное желание поставить меня на место. Что-то хищное и самоуверенное промелькнуло в стальных глазах.

Словно охотник решил загнать добычу...

А я вместо того, чтобы испугаться, обрадовалась. Ну точно с головушкой что-то не так!

Но в сознании вдруг мелькнуло, будто чья-то чужая далекая мысль: «Вступивший в игру не способен ее остановить...»

Я понятия не имела, что это за игра, но мне нравилось. Хотя и было страшно.

В этот момент Вайлар Таркон подошёл ко мне и жестом хозяина взял за подбородок, посмотрев глубоко за черту моих глаз. Я вздрогнула, и тёплая волна прокатилась по всему телу.

У него были потрясающие руки... грубые и ласковые одновременно. Движения – уверенные и властные, почти жесткие, но пальцы при этом словно поглаживали меня, приглашая поиграть. Ртутные омуты темного взгляда закружились, засасывая внутрь, не давая мне и шанса.

– Хорошо, – сверкнув глазами, проговорил комендант. И когда я уже готова была потерять сознание – такое странное и дикое удовольствие дарили самые легкие его касания, – он положил руку на область моего солнечного сплетения.

Даже сквозь бинты я почувствовала жар ладони. Щеки предательски заалели.

В этот момент меня что-то отвлекло. Где-то рядом я ощутила странную вспышку. Это не казалось связанным с комендантом или его странно волнующей близостью. Но вы-

глядело не менее опасно. Словно нечто злое разлилось в воздухе, как яд мантикоры. Краем глаза я успела уловить лишь белое мелькнувшее пятно. А когда повернула голову вбок, всё уже прошло. Там стояла просто группа заключённых в чёрных одеждах. Группа, которая, как и остальные, не сводила с меня и главы крепости любопытных глаз.

– Как ни странно, но твои раны действительно зажили, – сказал вдруг комендант, убрав ладонь от моей груди. Стало холодно. Тогда он наклонился к самому моему уху и добавил тише, обжигая дыханием, так что слышала только я одна: – Хочешь представления? Будет тебе представление.

Мурашки пробежали по спине. Неужели действительно... игра? О Луноночная мать, но какие правила?!

– Вашу ладонь, леди Фати, – сказал он громко.

– Пожалуйста, зовите меня Амелия, – как можно шире улыбаясь, ответила я и протянула правую руку. Пальцы подрагивали от страха и собственной наглости. Но, казалось, меня уже понесло, и остановиться было совершенно невозможно.

К тому же это было просто восхитительно непередаваемое ощущение – чувствовать, что мои слова достигают коменданта, раззадоривают его и заставляют его глаза гореть.

Охранник позади Вайлара зашипел, но промолчал, видя, что его хозяин лишь усмехнулся сквозь зубы. А глава крепости тем временем мягко обхватил мою кисть, отчего я опять почувствовала необъяснимое удовольствие. Он положил ла-

донь поверх моей, и наши руки внезапно засветились.

Приятное тепло пронзило все тело от подушечек пальцев до самого сердца.

Я затаила дыхание.

А когда Вайлар убрал руку, на моей коже остался гореть красный треугольник с красивыми завитушками внутри.

Толпа позади опять зашевелилась, зашуршала, словно листья на ветру.

– Что это? – выдохнула я, с восторгом любуясь настоящей магией.

– Я не стану определять ваш уровень механически, – вдруг ответил комендант с лёгкой усмешкой, и сказал он во все не то, на что я рассчитывала: – Вдруг ошибусь. А ведь вам так не терпится искупить свои преступления!

Я гордо промолчала, словно не заметив иронии, хотя от будоражащего предчувствия каждый волосок на теле, кажется, встал дыбом.

Вайлар продолжил, впечатывая в меня каждое слово:

– Пройдёте проверку боем. Как это было принято три сотни лет назад.

Мое сердце застучало как бешеное.

Я бы сказала, что это был страх. Даже, наверное, замогильный ужас. Драка с комендантом Чертога ночи! С единственным в мире волшебником пятого уровня! Мне! Неуме-хе почти без магии и умения!

Но...

– Отлично! – воскликнула я, хлопнув в ладоши. – Что надо делать?

Толпа загудела громче.

Не знаю, о чем я думала. Но явно не о том, что передо мной стоял маг самого высшего уровня, который вот-вот должен был публично продемонстрировать мою магическую несостоятельность. А может, и показательно раскатать меня по мощеным каменным дорожкам Чертога, после чего я опять окажусь в том самом лазарете, откуда так радостно уходила.

Ну и пусть. Пусть всё летит к проклятым богам, не поворачивать же назад? Мне начинала нравиться эта игра. Та самая, в которой я хоть на долю мгновения, на несколько коротких минут, но прекращу быть безликой заключённой. Обычной преступницей или никому не интересной девчонкой. Ну и пусть я провалюсь! Зато стану арестанткой, с которой рыцарь Серебряных клинков, комендант Чертога Ночи и Первый ловчий царства, лично провёл проверочный бой.

Первый раз за триста лет!

Мужчина сдержал холодную ухмылку, но уголки его губ, на которые я смотрела слишком пристально, всё же приподнялись.

А затем бой начался.

Я не успела ничего заметить. Не успела моргнуть и глазом. А Вайлар уже взмахнул рукой, и воздух завибрировал. Контуры окружающего мира возле него стали слегка подра-

гивать точно так же, как искажается реальность на концах языков пламени, вырывающегося из костра.

Я едва успела отскочить в сторону, инстинктивно, не задумываясь, как меня окатило обжигающе горячей волной, пронёсшейся мимо. Вероятно, замедлилась я на миг, на мне остались бы неслабые повреждения!

Даже не знаю, отчего мне так повезло?..

– Скорость неплохая, – словно шутя, склонил голову набок комендант, – но где же магия?

И снова я почти не ощутила его движений. Кажется, то ли он перенёс вес на другую ногу, то ли его тело само незримо поменяло положение, но рядом со мной что-то взорвалось. Краем зрения я уловила, как толпа заключённых дружно отошла назад, оставляя вокруг нас с комендантом широкий круг. А затем обязательно должна была прийти вспышка боли, потому что рядом полыхнуло зарево. Я понимала это, как говорится, «задним умом». Вовсе не в режиме реального времени, ведь это самое время замедлилось, и я увидела сноп огня, подбирающийся к моей груди, рукам, лицу...

Вот-вот на мне не должно было остаться ничего, кроме одного сплошного ожога. Я зажмурилась, закрывая руками лицо, и, шагнув назад, споткнулась, повалившись на спину.

В толпе раздались смешки.

– Как же так, Амелия? – с нарочитым сочувствием спросил комендант, делая ударение на фамильярном обращении по имени. Он сделал это специально, а мне все равно было

приятно. Ну что за глупость?.. – Боюсь, с такой магией вы вряд ли сможете слишком долго послужить государству.

Убрав руки от вспыхнувшего лица, я подняла горящий взгляд на Вайлара. Сердце kloкотало в горле.

На мне не осталось ни одного ожога: треугольный символ на ладони впитал весь колдовской удар. Однако было кое-что, что жгло сильнее любой физической боли.

Стыд. И стыд вовсе не оттого, что надо мной смеялись другие заключённые. Не оттого, что я так смешно упала, не сумев отразить удар. Всё это было предсказуемо, ведь я никогда не обладала сильной магией! Мой уровень с рождения был первым – самым низким. Стыдно было от другого: неужели я не смогла бы противопоставить этому мужчине вообще ничего? Не пустое же я место, в конце концов!

Да, мне было стыдно перед самой собой.

В голове мелькнуло странное воспоминание. Чужой женский голос, произносящий с иронией:

«Ты ничего не можешь, ты слаба...»

Сколько бы я ни пыталась понять, кому принадлежали прозвучавшие слова, не могла этого сделать. Однако прямо сейчас я осознала, что не хочу, чтобы та женщина оказалась права. Побывав на грани жизни и смерти, я могла с уверенностью сказать, что мои приоритеты поменялись. Вдруг стало кристально ясно, что бытие для меня теперь имеет совершенно иную цену, чем прежде.

Поэтому, когда в голове снова появилась будто бы чуже-

родная мысль: «Кем бы ты ни была, ты всегда можешь больше, чем думаешь», на этот раз я была согласна.

Под ребрами с новой силой вспыхнул огонь. Азарт, ярость, страсть. Злости не было, но я готова была доказать, что стою большего, чем обо мне думают.

Пускай я должна была проиграть по умолчанию. Но я хотя бы сделаю это не лежа на земле.

Ловко вскочив на ноги, на ходу я вспоминала единственный силовой удар, которому меня научил соседский мальчишка в детстве. Этим ударом он глушил рыбу в реке, чтобы принести отцу на ужин. Очень простая магия, которая, однако, долго не поддавалась мне.

Правая рука налилась силой почти сразу же, как только я этого пожелала. Непривычная тяжесть легла в ладонь, готовая подчиняться приказу.

С легким напряжением, которое, к моему удивлению, все же оказалось вовсе не таким трудозатратным, как прежде, я сконцентрировала внимание на ладони. А затем сделала то, что никогда прежде не пробовала. Это вышло инстинктивно, словно магия сама пошла по более простому для нее пути.

Повинуясь неосмысленному внутреннему стремлению, я обернулась вокруг собственной оси, простирая руку в сторону. Будто кто-то толкал меня в спину. Мол, «давай, тебе нужно сделать именно это». И я делала. А с каждым пройденным сантиметром пальцы ощутимо тяжелели.

Меня осенило внезапно: я набирала силу из воздуха! Ма-

гия окружающего мира накапливалась в руке, мешаясь с моей собственной!

В ушах застучало. Некогда было обдумывать причины такой удачи, нужно было срочно пустить в дело накопленную мощь. Потому что иначе я просто понятия не имела, как убрать это нарастающее дикое напряжение!

Теперь заклятье... Все просто, самая легкая печать, которую только можно вообразить, – круг с вписанным внутрь треугольником и тремя буквами магического алфавита. сосед чертил его для меня на песке, а я повторяла мысленно многократно. Вот только никогда не видела прежде, как выглядит эта печать в действии. Нарисовать ее магически у меня не получалось.

А теперь, стоило представить символы перед глазами, передо мной материализовался прозрачный контур, мгновенно вспыхнув и обратившись в хлыст белой энергии!

Мощный хлыст! Гораздо более мощный, чем когда-либо удавалось мне или моему соседу!

Я едва не закричала от неожиданности, когда в коменданта Чертога Ночи полетело нечто вроде чудовищной белой молнии, страшной, как последняя в мире гроза.

Едва я успела заметить удивление на лице Вайлара, как он лёгким движением отошёл в сторону, пропуская хлыст мимо, и левой рукой мгновенно выставил щит около себя, загоразживаясь от осколков. Мостовая в том месте, где он только что стоял, разлетелась тысячей крупных и мелких камушков,

подняв облако пыли.

Когда глава крепости вновь посмотрел на меня, в его глазах больше не было издёвки. Были удивление и, кажется, непонимание. Неужели он настолько не ожидал от меня ответного удара? Я казалась ему настолько бездарной?

Впрочем, его сложно в этом винить... разве что сердце кольнуло от обиды.

Однако через секунду на мужском лице промелькнуло еще и странное предвкушение. Взгляд мужчины потемнел, а уголки губ дёрнулись вверх.

А мне тоже захотелось улыбнуться. Впервые у меня действительно что-то получилось! И пусть я и не зацепила коменданта, сказать, что я ни к чему не пригодна, уже было нельзя.

Сила, которую я продемонстрировала, была намного выше моего прежнего уровня. Не знаю, с чем это связано. Возможно, с риском гибели или пережитым страхом. Бывает же, что опасная ситуация активизирует наши внутренние резервы? Может, и мне, наконец, вот так повезло. Но теперь очень хотелось узнать, как же после этого оценит меня самый сильный маг государства?

Однако вместо слов он вдруг поднял левую руку и, растопырив пальцы в стороны, резко опустил вниз, словно пытался примять сам воздух.

Я задрожала. Точнее, задрожала земля. Оглянувшись назад, с немым ужасом заметила, что все заключённые разбега-

ются, как муравьи, прижимаясь к стенам Чертога. А со стороны ворот земля вспучивается огромным холмом и мчится прямо на меня, разметая всё на своём пути.

Как только земляной горб оказался в непосредственной близости, он вырос ещё сильнее, и я с удивлением поняла, что у него есть голова, две впадины глаз и огромная зияющая пасть. Этой пастью земляной холм собирался меня проглотить!

Несколько мгновений я стояла на месте, не веря в то, что подобное вообще возможно, и уповая на печать, горящую на моей ладони. В самом деле, не причинит же мне вред магия коменданта? Или причинит?..

Вот голова монстра взвилась вверх, собираясь обрушить со всей силы свою пасть на глупую самоуверенную заключённую. А я всё ещё стояла с открытым ртом и глазела на удивительное волшебство... пока мне на лицо не полетели камни и крошка от мостовой. Крупные куски больно ударили, пыль засыпалась в глаза. И это привело в чувство.

Вот особенно большой валун оторвался от шеи чудовища и полетел вниз. Я перекатилась по уцелевшей мостовой, наблюдая, как камень раскололся у моих ног. А вслед за ним пасть монстра с силой ударила туда, где я только что стояла. Мостовая взлетела вверх тысячей осколков. А я вдруг поняла, что это вовсе не шутка: чудовище действительно пытается меня убить! Да, возможно, печать меня и защитит от смерти, но переломов явно не избежать!

Я метнула многозначительный взгляд на Вайлара и увидела, что его красивое лицо показательно бесстрастно. Но в стальных глазах застыла усмешка!

Горячая волна, как кислота, ухнула в желудок.

Ещё одно заклинание было известно мне с детства. Со всем простенькое! Более опытные и сильные маги могли с помощью него двигать тяжёлые предметы, например, переставлять мебель в доме. Говорят, есть даже такие колдуны, которые способны передвигать самих себя – летать! Но я с подобным, конечно, не сталкивалась.

Набрав в лёгкие побольше воздуха – обязательное условие для выполнения данного заклятья, – я приготовилась. Ладони зачесались от прилившей к ним силы.

И снова все выходило значительно проще, чем обычно! Это не могло не радовать, потому что внезапно я поняла одно: цена моего провала может быть несколько выше, чем предполагалось вначале. Сперва мне просто хотелось привлечь внимание коменданта, и у меня это получилось. Но теперь выходило, что если я проиграю, то рискую навсегда остаться в его глазах обычной заключённой, тюремной выскочкой, которой захотелось прыгнуть выше головы. Он просто поставит меня на место и навсегда забудет о случившемся!

От этой мысли меня бросило в дрожь, под рубашкой выступил ледяной пот.

Но, к счастью, тело вновь всё делало само. Мышцы жгла

нерастроченная энергия, эмоции переполняли, переливаясь через край. В висках колотился пульс, в котором смешался страх проиграть и предвкушение схватки.

Я снова обернулась вокруг себя, на этот раз сознательно повторяя единожды удавшийся фокус. Руки от ладоней до запястий начало колоть от магии. Я еле сдержала улыбку: клянусь проклятыми богами, так мне ещё никогда не везло! Мысленно начертив в воздухе кольцо с несколькими шестигранниками, я вложила в него всю накопленную мощь, бросив все это в коменданта крепости.

Вот только в процессе произошло что-то странное. Кажется, я немного подзабыла исходный рисунок заклинания и, чтобы не разрушить плетение, дочертила печать по своему усмотрению. И в итоге вышло нечто совершенно невообразимое...

Я пыталась всего лишь передвинуть в сторону Вайлара несколько крупных камней, но в полёте заклятье трансформировалось, каким-то образом превратившись в липкую воздушную сеть! И в ту же секунду совершенно все камни и земляные комья, что валялись на площадке вокруг и которые отбрасывал во время движения червеобразный монстр, полетели в главу крепости, на ходу сцепляясь в огромное каменное полотно!

Одновременно с тем я все еще продолжала уворачиваться от стремительно замедляющейся подземной змеи, чьё тело потихоньку распадалось на составляющие и улетало в на-

правлении создателя. Однако тварь всё ещё была очень опасна и не останавливала нападений. А я уже начинала уставать от непрекращающегося бега.

Промелькнув мимо коменданта, я бросила взгляд на его высокую фигуру, чтобы оценить, насколько удалась моя необычная магия. Признаться, несмотря на то, что она меня даже немного пугала, я возлагала на нее много надежд!

Однако оказалось, что новое заклятие против коменданта Чертога Ночи тоже не слишком действенно. Глава крепости не двинулся с места, лёгким движением руки очертив вокруг себя воздушный щит. Теперь всё, что летело в него от монстра, превращалось в пыль, не преодолев последние полметра. А сам Вайлар невозмутимо наблюдал за мной словно в коконе из песка.

Нет, это никуда не годилось! Чудовище в очередной раз пропахало землю в нескольких сантиметрах от меня, а мне уже хотелось выплюнуть собственные лёгкие. Хорошо, что я действительно не была больна и бинты попусту стягивали грудь! Но будь на моем теле хоть одна рана, я сейчас уже лежала бы на раскуроченной мостовой, отплевываясь кровью.

Нужно было немедленно что-то придумать!

В это время лучший маг государства стоял неподалёку, безразлично наблюдая за мной, словно ничего особенного не происходило. Как же мне хотелось его расшевелить!

Глупая девчонка, нет бы лежала себе в лазарете!

И все же я улыбнулась. Стоило признать: такого удоволь-

ствия, как сейчас, я не испытывала уже давно. Я вдруг поняла, что мне нравится драться. Пусть я почти ничего не умела, но это пьянящее ощущение силы в крови, это чувство, когда каждый миг словно на грани, – все это было не сравнимо ни с чем иным.

Да еще когда каждую секунду чувствуешь на себе пронзительный взгляд цвета стали и грозового неба...

В очередной раз взглянув на коменданта, я вдруг заметила лёгкое мерцание у его правой руки. Словно воздух там был твёрже, гуще. Возможно ли это? Я не знала, по каким законам на самом деле работает магия, и потому решила подобраться к главе крепости поближе.

Очередной прыжок от земляного червя – и я оказалась совсем рядом с мужчиной.

Так и есть! Словно дрожащая призрачная лента вилась от его сжатой ладони к шее монстра! И я поняла, что обязана её перехватить!

Как это делается, как вести себя потом?.. Я ничего не знала, но надеялась разузнать в процессе. Тем более что другого варианта у меня все равно не было.

Поэтому, стремительно шагнув в сторону Вайлара, я протянула руку вперед и просто схватила невидимые поводья в двух метрах от коменданта. Это были всего лишь незримые нити, тянущиеся в сторону червя, а потому, если бы у меня не вышло, полагаю, ладонь просто скользнула бы сквозь них.

Но у меня вышло!

И серые, как камень мостовой, глаза Вайлара Таркона стремительно расширились, лицо уже не было столь бесстрастно, как прежде.

Я выпрямилась, сделав кувырок через себя и вызываяще глядя на самого могущественного мага в мире.

Он явно не ожидал, что у меня получится! И это просто не могло не вызвать вспышку восторга, растекающуюся по крови жидким огнем.

У меня получилось, получилось!!!

Поводья заклинания были в моей в руке, а значит, если я пожелаю, червь должен рассыпаться в прах! Вот только он...

...не рассыпался. И когда я встряхнула рукой, пытаюсь развеять энергию, и когда хлопнула в ладоши, чтобы разбить призрачный поводок, всё было бесполезно! Кроме того, я потеряла слишком много времени на эти манипуляции, и голова змеи уже опускалась на меня большой каменной пастью!

Вдруг пространство разорвалось, чтобы сомкнуться вновь совсем в другом месте. Голова закружилась. Змея исчезла, оказавшись в нескольких метрах правее, а я почувствовала, как сзади чья-то сильная рука прижала меня к себе.

В ушах звенело, в венах клокотала кровь. Я никак не могла понять, что происходит.

В этот миг еще одна чужая рука быстро разжала мою ладонь, в которой всё ещё дрожала призрачная лента магии, и перехватила её. Через мгновение я заметила, как невидимые поводья исчезли, а за ними рассыпалась и каменная змея.

Вот только горячая ладонь, обжигающая не хуже каленого металла, всё ещё лежала на мне, с силой прижимая спиной к чьей-то груди.

Жгучие, как огонь, пальцы – к обнаженному под рубашкой животу.

Кожа к коже...

Меня словно молнией ударило, воздух густой лавой проникал в легкие.

Я закрыла глаза, тяжёло дыша то ли от бега, то ли от страха, то ли от чего-то другого, разливающегося внутри приятным теплом. Я чувствовала тонкий запах дикого мёда, хвои и цветов лимона, заструившийся по венам и навевающий желания, о которых я постеснялась бы рассказывать.

– Никогда так больше не делай, – раздался голос над самым моим ухом, а на шее я почувствовала дыхание, от которого мурашки побежали по спине. Я открыла глаза и поняла, что стою в центре воздушного кокона из пыли и земли – ничего не различить дальше вытянутой руки. В голове мелькнуло осознание:

Снаружи нас никто не видит...

Я замерла, с лёгким испугом понимая, что от остроты момента у меня вот-вот остановится сердце. Оттого, что меня касался мужчина, который должен быть для меня под запретом. Комендант крепости-тюрьмы, в которой я лишь безвольная заключённая. И он никогда не должен даже взгляд обратить в мою сторону.

Вот только... имеет ли значение то, что я чувствую его горячее дыхание возле своего уха? Пустяк ли то, что он все еще продолжает удерживать меня, хотя, казалось бы, в этом уже нет ни капли необходимости? И важно ли то, что обо всех этих случайностях никто и никогда не узнает, потому что каменный кокон коменданта все еще непроницаемо черен?

– Не делать как? – выдохнула я, тяжёло втянув воздух.

Мне хотелось... проклятье, наверное, мне хотелось флиртовать с ним. Все что угодно, лишь бы продолжать чувствовать его рядом.

Но я не умела флиртовать, я вообще ничего не умела. Как это, демоны меня заберите, делается?..

Я снова глубоко вздохнула, внезапно ужасно расстраиваясь, что у меня небольшая и невнятная грудь, к тому же еще и замотанная бинтами. Что вообще может привлечь во мне такого мужчину, как Вайлар Таркон?..

Стало жутко обидно, и все же моя рука сама собой поднялась вверх, слегка подрагивая, и кончиками пальцев я скользнула по тыльной стороне его ладони...

Глупость, какая же откровенная глупость! От страха даже горло сжало, и я не могла больше вздохнуть. Словно в огромном пузыре кружащей вокруг магии я слегка сошла с ума.

Но мне так хотелось, боги, как же мне хотелось дотронуться до него!

Вот только стоило моим пальцам коснуться мужской ру-

ки, как ладонь исчезла, лишь в последний момент скользнув по моей коже, словно...

Неважно.

«Солнцеликая, я будто теряю разум...»

– Никогда ничего не делай, не подумав о последствиях, – проговорил Вайлар тихим голосом. Без злости и раздражения. Почти ласково.

Это было похоже на наваждение.

Можно было подумать, что он меня просто учит или наставляет на будущее. Вот только он снова обращался ко мне на «ты». И каждое слово можно было воспринимать двояко.

Я развернулась, чтобы посмотреть в глаза своему новому господину. Теперь, как коменданту тюрьмы, я обязана была ему подчиняться. А он фактически и вполне реально владел моей жизнью, выкупив ее у суда.

Это было странно, потому что должно было раздражать меня, унижать. Ведь быть чьей-то собственностью довольно отвратительно.

Однако я не чувствовала ничего подобного.

Скорее даже наоборот.

Взгляд коменданта, направленный на меня, был неподвижным и спокойным, как штиль на бескрайнем море, только где-то глубоко-глубоко за серо-зеркальной гладью его глаз, казалось, полыхало черное пламя.

– Зачем вы спасали меня от змеи? – вдруг спросила я, прищурившись. – Ведь ваша печать, – я подняла ладонь, показы-

вая всё ещё мерцающий оранжевым треугольник, – она всё равно защитила бы меня, не так ли? – Зачем было утруждать и спасать меня?

Комендант немного откинул голову назад, отчего появилось ощущение, будто он смотрит на меня свысока.

– Когда Шенгуал находился под моим управлением, он не был способен причинить вред, – медленно ответил глава крепости. – Но когда вы перехватили цепь управления, он стал сам себе хозяином.

«Вы»... Он снова перешёл на «вы»...

– А от переломанной шеи никакая печать не спасёт, – закончил комендант, как крышкой гроба прикрывая меня моей же ошибкой.

– Прошу прощения, – проговорила я, прикусив губу. Он был прав, а я... – Благодарю вас...

– Не стоит, – прервал он, подняв руку, и кокон, скрывающий нас от посторонних, пал. Вайлар развернулся и пошёл прочь, на ходу бросив: – Третий уровень, отряд загонщиков, номер семнадцать.

Еще через секунду его фигура просто взяла и растворилась в воздухе. Вот подул ветер, играя и путаясь в чёрных, как тьма, волосах, легонько приподнял их, и комендант исчез. А я осталась одна посреди раскуроченной площади, на виду у сотни застывших в немом молчании заключённых.

Раздался колокольный звон: прогулка окончилась.

Этюд 3. Вайлар Таркон

Вайлар Таркон никак не мог найти себе покоя, меряя широкими шагами каменный пол кабинета. Маленькая арестантка, прибывшая вчера, никак не выходила у него из головы. С тех пор как она появилась у ворот крепости, такая худенькая и нескладная, словно подросток, странное чувство поселилось у него внутри. И привычное безразличие улетучилось, словно ветер. Лишь когда на всю тюрьму прозвучал оглушительный визг сирены, он понял, что за чувство это было.

Голос Рока.

Кто-то называет его перстом судьбы или предчувствием. Но Вайлар точно знал, что это на самом деле.

Итак, периметр крепости нарушен. Это случалось крайне редко, и в основном когда кто-то из новеньких, не уяснивших правила Чертога Ночи, пытался бежать.

В этот раз произошло иначе. Как только раздались первые звуки тревоги, словно что-то тяжёлое опустилось на грудь коменданта. Уже триста лет он не чувствовал ничего подобного. Слово сердце перестало биться. И когда его мощная фигура появилась в месте прорыва, оказалось, что было уже поздно. Девушка лежала на холодных плитах древнего захоронения, и из груди её торчал кинжал. Отряд “мышц” бросился догонять ускользящих вдали убийц, а Вайлар остал-

ся на месте, не имея сил оторвать взгляд от окровавленной арестантки.

Амелия Фати. Так значилось её имя в сопроводительных документах. Сердце его вновь пропустило удар. Он смотрел в широко распахнутые карие глаза, обращённые к небу, и не верил. Не верил, что смерть какой-то заключённой может настолько сильно тронуть его.

Его, который видит смерти *каждый день*.

Тонкая женская рука, словно ветвь белой вишни, опустилась на землю. Из неё выпал одинокий одуванчиковый венчик. И в этот миг Вайлар не поверил сам себе, вдруг услышав невозможное – тихое шелестение её крови.

О чёрное солнце! Она была жива!!!

Комендант осторожно поднял на руки девушку, надеясь только на то, что, пока он будет перемещаться в лазарет, она не умрёт. В эту секунду один из самых сильных волшебников всего мира задавался одним-единственным вопросом:

«Почему, почему я не обладаю лечебной магией?»

Но он не обладал. Правда, раньше это никогда не было проблемой. Мелкие раны он мог игнорировать, крупные – прижигал огнём, чтобы остановить кровотечение. А дальше лекари делали своё дело. Теперь же отсутствие лекарских навыков вдруг показалось страшным упущением.

Странно. Всё это было слишком странно.

Глава Чертога Ночи понимал, что должен позаботиться о девушке, а затем забыть раз и навсегда. Но боялся, что всё

выйдет совсем иначе. Уже сейчас, чувствуя у себя на руках хрупкое тело Амелии Фати, он инстинктивно прижимал его к себе, пытаясь защитить от неведомой опасности. Щемящее чувство в груди не проходило, а лишь нарастало, вызывая беспокойство и тревогу. И Вайлар не знал, что с этим делать.

Этим утром у входа в Чертог комендант крепости заметил, что уровень магии девушки был, очевидно, ниже второго. А значит, в боевой отряд ей никогда не попасть. Он должен был определить её в запасные, а значит, в охоте на монстров она бы не участвовала.

Теперь Вайлар надеялся, что, если Амелия выживет, что уже само по себе будет чудом, он больше не будет видеться с ней. На огромной тюремной территории это не так уж сложно. Возможно, голос Рока на этом и замолкнет.

Но уже на следующие сутки после вторжения чужаков Вайлар понял, что его планам не суждено сбыться. Хвала Чёрному солнцу, девушка очнулась. Однако, как оказалось, за те сутки, что она пролежала без сознания, её рана полностью исчезла. Как такое возможно? Позже Вайлар опросил всех лекарей лазарета, но никто ничего не понимал. Лечебная магия была не способна совершить ничего подобного за такой короткий срок.

После же, когда увидел издали, как Амелия невозмутимо спускается с холма по дороге из госпиталя, комендант понял: его спокойствию отныне пришёл конец. Её соломенные волосы были распущены и спускались по спине к круглым

бёдрам. В золотистых прядях играли блики солнца. Она оторвала подол юбки, скрывающий длинные ноги, и теперь шла по траве, демонстрируя всем заключённому, совершающему утреннюю прогулку, идеальные пропорции. Отвратительная бесформенная кофта больше ничего не скрывала, и теперь тонкие бинты чётко очерчивали высокую пышную грудь.

Впервые за свою бытность комендантом тюрьмы Вайлар почувствовал, что не может справиться с огнем, вспыхнувшим внутри. словно пламя вспыхнуло под желудком, растекаясь кислотой по внутренним органам...

Вайлар глубоко вздохнул, пытаясь взять себя в руки.

Между ним и этой девушкой ничего быть не может и ничего не будет. Он начальник тюрьмы, она преступница. Это правило, которое он не планировал нарушать.

Привычная маска легла на лицо... Увы, ненадолго.

Прошло всего несколько минут разговора, а у него внутри всё закипело. Почему-то Амелия больше не казалась той запуганной и слабой жертвой, которая была заключена в тюрьму по прихоти алчного отчима, как он с ходу понял из ее документов. Напротив, теперь она выглядела сильной и уверенной в себе... И это ещё больше разжигало в Вайларе странное внутреннее пламя! Её дерзость веселила коменданта, одновременно пробуждая инстинкты охотника и заставляя забывать о правилах.

Он даже заставил её пройти физическую проверку магии! Это ведь пережиток прошлого, в котором нет теперь абсо-

лютно никакой необходимости. Но тогда почему он сделал это? Почему всего несколько самоуверенных слов, брошенных наглой девчонкой, вовлекли опытного мага – главу крепости, тюремного коменданта – в какую-то детскую игру? Он словно флиртовал с преступницей, пытаясь заставить её принимать себя всерьёз. Пытаясь обратить её внимание на себя.

«С этим определённо нужно заканчивать», – подумал мужчина, убирая назад упавшие на глаза чёрные косички.

Но за время магического боя, который комендант задумывал как фарс, обнаружилось нечто удивительное. Эта девушка не только полностью выздоровела от смертельной раны за двадцать четыре часа, но и вырос её колдовской уровень. Слишком сильно вырос, чтобы предположить, будто сутки назад Вайлар ошибся! Эту вероятность комендант отнёс сразу, как только Амелия умудрилась вырвать у него из рук заклинание третьего уровня. Да, в итоге она не смогла с ним справиться, но это лишь вопрос практики! Третий уровень магии – редкость. Даже среди его элитного отряда не все доросли до этой ступени.

А как её глаза заблестели, когда она поняла, что её фокус с удерживающей цепью удался! От улыбки, озарившей светлое лицо, ему самому захотелось улыбаться. Но в этот момент каменный змей подполз слишком близко. А глупая девчонка продолжала добродушно глядеть на него, не понимая опасности. Она думала, что печать её защитит!

Какая наивность.

Спасти её было слишком просто и слишком сложно одновременно. В долю секунды преодолев пространство, комендант отодвинул девушку от линии удара змея. Казалось бы, всё, инцидент исчерпан. Но... его руки коснулись ее...

Никогда еще Вайлар не чувствовал себя настолько... лишившимся воли.

Гладкая кожа под собственными пальцами показалась ему похожей на истримский бархат. Аромат золотых волос напомнил цветы персика и орхидеи. Станный ток, распространившийся от места соприкосновения, пронзил с головы до ног, заставляя склониться к изгибу шеи, вдохнуть глубже...

Однако, пусть это и было похоже на наваждение, Вайлар быстро взял себя в руки. И дал себе слово, что это был первый и последний раз, когда он дал волю мимолетной слабости. Последний раз, от которого у него помутилось в голове...

Но, слава Богам, он всё же вовремя вспомнил, что она лишь заключённая. Причём обвиняемая в покушении на жизнь.

«Боюсь представить, если это ещё не конец, – думал он. – Нужно во всём разобраться. И срочно».

Эту ночь Вайлар Таркон спал плохо. Ему снились золотые глаза, глядящие сквозь время и пространство, стирающие воспоминания, сжигающие изнутри. Словно крупницы солнечного песка, свет проникал повсюду, въедаясь в кожу,

в самое сердце. Словно наваждение.

Странный сон исчез так же быстро, как и пришёл.

Оставшуюся ночь комендант не сомкнул глаз и решил прогуляться, раз уж появилось свободное время. Каменная мостовая, которую он восстановил сразу после тренировочного боя, почувствовала на себе его беззвучные шаги. Серебряная луна освещала весь путь до злосчастной гробницы, куда несли его ноги. Давно он здесь не был. И, честно говоря, не собирался приходить ещё очень долго.

«Может ли быть так, что девушка оказалась здесь случайно?» – в который раз подумал комендант, глядя на идеально гладкую могильную плиту. Именно тут вчера произошло странное нападение, жертвой которого чуть не стала эта новенькая.

«Интересно, знала ли она, что плетёт венок на могиле?..» – подумал Вайлар, вспоминая круг из одуванчиков, и покачал головой.

«Наверняка нет».

И закрыл глаза, положив руку на холодный камень. Потом провёл по поверхности монолита, коснувшись пальцами багрового пятна.

Запёкшаяся кровь.

Внезапно его охватил такой гнев, словно неизвестные убийцы, кем бы они ни были, нанесли ему личное оскорбление. В приступе ярости он сжал пальцы, царапая ногтями поверхность плиты.

По старому камню пошли трещины.

Вайлар вздрогнул.

«Пусть меня никто не видит, но даже эта вспышка недопустима для коменданта Чертога Ночи, – подумал он, с удивлением глядя на собственную руку. – Как получилось, что меня настолько заботит судьба одной-единственной заключенной?»

Неважно. Группе неизвестных убийц сильно не поздоровится, когда я их наконец обнаружу...»

А уж в этом можно было не сомневаться.

– Может ли быть так, что прорыв случайно оказался именно в этом месте? – произнёс он вслух, продолжая цепочку мыслей.

Но ответ был ему известен: слишком маловероятно. Люди, пытавшиеся убить Амелию, появились здесь намеренно.

Вайлар моргнул, выдохнув облако пара. Белый туман медленно осел на камень, распространившись по нему, словно живое существо. В следующее мгновение тяжёлая плита закрипела и отодвинулась в сторону, обнаружив тёмный спуск. Таркон сжал челюсти, поставив ногу на первую ступень лестницы, ведущей во мрак. Когда-то давно он дал себе слово не приходить сюда никогда. Но вот он здесь... а в груди пустота.

Быстро он спустился вниз, оказавшись в теле пещеры, тоскливой и одинокой.

«Как сердце последнего из Крылатого племени», – отстра-

ненно подумал комендант, глядя прямо перед собой. Туда, где в центре пещеры на холодной земле лежали белые остовы огромных костей.

– Ну, здравствуй, – сказал он тихо и уверенно. Впрочем, тут же после этого его горло сдавило, и он не смог продолжить.

Столько лет прошло, но мужчина чувствовал, что находится здесь всё ещё тяжёло. Не было тоски или боли, но было волнение, странное щемящее чувство в груди, от которого хотелось избавиться как можно скорее. И Вайлар принялся за дело только для того, чтобы вновь надолго покинуть это место.

Долго искать не пришлось. На большой рёберной кости в самом центре скелета сияли капли крови. Он видел их сквозь тьму и чувствовал запах, несмотря на то, что крови было мало и она давно потеряла всю влагу. Как она просочилась сверху через каменную плиту, Вайлар не понимал.

Однако он знал, что это может означать.

Неведомые убийцы пытались провести тёмный ритуал!

Удался ли он? Закончили ли они своё дело? Точно сказать было нельзя. Но то, что проведённый обряд повлиял на Амелию, теперь было очевидно. Оставалось понять две вещи: что же именно произошло и какова была первоначальная цель ритуала?..

К сожалению, это были вовсе не простые вопросы. И все же комендант крепости-тюрьмы имел некоторые мысли по

этому поводу. Правда, теперь больше всего на свете он боялся, что они окажутся правдой...

Этюд 4. Столовая

Забавно, но, когда все заключённые разошлись по камерам под присмотром всего четырёх охранников, я задалась мыслью: «Неужели эта четвёрка тюремщиков так хороша, что способна сдержать натиск нескольких сотен преступников? А если начнётся бунт?»

С другой стороны, я опасалась, что мои размышления вызваны банальным отсутствием знаний об устройстве тюрьмы. Двери в камеры здесь закрывались с помощью магии, стоило заключённым войти внутрь и коснуться стены, на которой были изображены отпечатки ладоней. Как сказала мне Израель, если кто-то не выполнит этого ритуала после окончания прогулки, зазвонит сирена. И очень быстро нарушитель будет найден. По браслетам.

Я потёрла запястья, на которых с удобством расположились металлические напульсники. Точно моего размера. Закрыла глаза и незаметно для себя улыбнулась. Передо мной всплыло лицо коменданта Чертога Ночи. Я невольно вспомнила его стальные пронзительные глаза, которые будто видят насквозь, и под кожу словно заползли невидимые раскаленные рыбки.

– Значит, по этим браслетам Вайлар может отследить каждого из нас?.. – произнесла я вслух вопрос, который был скорее риторическим. Но моя соседка поспешила ответить. Она

вообще теперь смотрела на меня совсем иначе, не так, как прежде. Исчезло из взгляда презрение, исчезла насмешка. Это было приятно, но немного смущало.

– У нас не принято звать коменданта по имени, – ответила она наставительно, видимо не оставив до конца мысль, что среди нас двоих она главная. – Только по фамилии. И да, он может. Говорят, что глава крепости создаёт эти браслеты сам. Из чёрного золота, которое покупает на собственные деньги. А потому их секрет известен только ему. Вот почему Чертог Ночи – единственная во всём царстве тюрьма, в которой такие мягкие правила. Из-за браслетов сбежать невозможно.

– Чёрное золото? – не поверила я своим ушам. – Значит, я не ошиблась!

Я коснулась пальцами теплого металла. Он был гладким на ощупь и казался почти живым. Словно это он грел меня, а не я его.

– Да, все сперва удивляются, – ухмыльнулась Изи. – Но только этот металл якобы обладает какими-то там свойствами, необходимыми для создания браслетов. Из-за этих штуквин наш побег переходит в область фантастики. По ним нас можно мгновенно обнаружить, где бы мы ни находились.

– И он покупает золото на свои деньги?

Изарель кивнула.

– Завидный женишок наш комендант, да?

– Похоже, он великий маг, – сказала я снова скорее сама

себе. Но соседка и тут поторопилась ответить:

– А ты ещё сомневалась? – Глаза заключённой поднялись к потолку, и в них мелькнуло восхищение. – Таких больше нет. Жаль, мой муженёк никогда с ним не встречался, может, понял бы, что значит «настоящий мужик».

Я бросила на женщину изучающий взгляд. Похоже, Израель уже вот-вот была готова начать рассказ про своего избранника, видимо оставшегося на воле, пока она отсидживала свои годы в тюрьме. Но, признаться, сейчас у меня в голове было слишком много мыслей, которые следовало тщательно обдумать. И общаться с грубой соседкой, которая внезапно подобрела, не было никакого желания.

Гораздо больше мне хотелось понять, что со мной происходит. Что изменилось у меня внутри со вчерашнего дня?

Ведь что-то определенно изменилось. Я чувствовала себя иначе: мне не хотелось, как прежде, просто плыть по течению. Не хотелось быть серой мышью, простой преступницей в тюрьме, из которой можно сбежать только в стальной урне в виде праха.

А потому мне нужен был план. Я не собиралась позволить себе высохнуть здесь и уж тем более не желала быть скормленной монстрам Дикого леса.

В Чертог ночи я попала по ложному обвинению! Неужели теперь я должна зачахнуть или вовсе погибнуть здесь просто потому, что так захотелось моему отчиму?..

Конечно, это были очередные риторические вопросы, од-

нако ответ на них у меня уже был.

Нет. Я должна найти способ, как выбраться отсюда и вернуть себе свою жизнь.

Как только я приняла это на первый взгляд малоосуществимое, но поистине судьбоносное решение, дверь в камеру открылась, впуская внутрь одного из охранников. Следом за ним шла невысокая женщина лет пятидесяти, неся в руках проглаженные тряпки.

– Здесь постельное бельё, – сказала она, бросив на меня мимолётный любопытный взгляд, – а это твоя форма.

На кровать упал аккуратно сложенный набор грязно-болотного цвета, как и у остальных заключённых.

– Благодарю, – негромко ответила я, почувствовав, как в горле пересохло.

Женщина ещё раз посмотрела на меня и вышла. Охранник закрыл дверь.

– Эту кумушку зовут Маис, – сказала Изарель, будто выплюнула. – Неплохая тётка. Довольно страшенькая, но острая на язык, как ржавый перочинный ножик.

Спустя некоторое время раздался характерный звонок.

– Что это? – спросила я удивлённо, уже переодетая и лежащая на заправленной кровати.

– Это ужин, – с довольным видом ответила соседка и бодро соскочила со своей койки. В ту же секунду двери камеры открылись, предоставив нам некоторую иллюзию свободы.

– Мы должны сами идти за ним? – уточнила я удивленно.

– А ты думаешь, тебе на подносике с серебряной каёмочкой всё принесут? – хохотнула Изарель, однако вдруг странно посмотрела на меня и, хмыкнув, замолчала.

В голове мелькнула шальная мысль: «Неужели она меня опасалась?..»

Похоже, так и было. Я с изумлением поняла, что меня впервые в жизни кто-то опасается!

– Да, – спокойнее продолжила Изарель, отвернувшись и сплюнув прямо на пол. – Чифаним мы в общей столовой. Пойдём, а то ещё мимо входа проскочишь...

Собравшись неким подобием строя, мы вместе с другими заключёнными вышли из корпуса крепости. Я оглядывалась по сторонам и всё никак не могла поверить, что при таком малом количестве надзирателей в тюрьме сохраняется настолько чёткий порядок. Люди шли сами, никто не подгонял, никто не останавливал. Но не было толкучки, не было бестолкового шатания или прочего нарушения режима.

Одно из невысоких зданий крепости оказалось столовой. Длинные столы вытянулись вдоль стен в ожидании заключённых. Каждый из нас брал поднос, несколько мисок и выстраивался в очередь за тюремной баландой. Я внутренне поморщилась, готовая обнаружить у себя в тарелке что угодно, только не нормальную еду.

– Что, белоручка, не по нутру тебе казематные харчи? – раздалось сзади. Я повернула голову, готовая увидеть какую-нибудь неприглядную особу, напоминающую рыночную

торговку. И сильно удивилась. Голос принадлежал молодой девушке, не больше двадцати шести лет, снежной блондинке, лицо которой показалось мне знакомым. Кажется, я уже видела её на площади во время тренировочного боя с комендантом. Так и есть: витые наручни, самоуверенный взгляд и черная форма, на воротничке которой я только что разглядела маленький серебристый символ – череп.

Блондинка сидела за отдельным столом, вместе с десятком заключённых, одетых в точно такую же форму. Все они сейчас внимательно глядели в мою сторону, ожидая реакции.

– Ещё не довелось попробовать, – ответила я совершенно спокойно.

– Не разговаривай с ними, – прошептала мне на ухо Изарель. Чего-чего, а поддержки я от неё не ожидала. Значит, и правда она поменяла своё мнение относительно меня.

Некоторым образом это даже оказалось приятно. Заступиться за меня тоже обычно было некому. После смерти матери со мной остались только отчим и гувернантка, но обоим не было до меня никакого дела.

– Ну, ещё попробуешься, – отвечала блондинка, ухмыляясь, – зачерпывай побольше, тебе понравится. Это ж, небось, самое вкусное, что ты за всю свою жизнь пробовала, вороваечка.

За «чёрным» столом раздалось одобрительное хихиканье.

– Поверю тебе на слово, – ответила я, отвернувшись и на-

брав полную тарелку супа. А затем вдруг прибавила, не глядя на девушку, но намекая на редкий белесый цвет ее волос: – Говорят, альбиносы не врут. Скажи, а правда, что вы рождаетесь с хвостами?

Тишина наполнила помещение, волной распространяясь во все стороны. За «чёрным» столом люди начали переглядываться. Краем глаза я заметила, как блондинка, с грохотом положив ложку на стол, встала.

Вот кто меня за язык тянул? Зачем я вообще открыла рот, это ведь было так на меня не похоже!

Однако и странное огненное чувство, бурлящее прямо под желудком, тоже было мне не знакомо. Будто шаровая молния где-то в животе... И полное отсутствие страха.

Я не боялась, хотя умом понимала, что мгновение назад нажила себе страшные неприятности.

– Как ты меня назвала?.. – прошептала блондинка, и на её лице отразилась вся гамма неверия и злости, которую только можно вообразить. Изарель отошла от меня на шаг в сторону, как и несколько других заключённых в зелёной форме. Кажется, все они считали, что я неслабо «попала».

В принципе, я была с ними согласна. Но где же, светлые боги, мой страх? Куда он делся вместе с чувством самосохранения?..

Ведь когда не боишься, способен залезть в самое пекло. И погибнуть там, так и не испытав положенного ужаса.

– Значит, слухи о глухоте альбиносов тоже не враньё, надо

же, – покачала я головой, забирая свой поднос.

Блондинка протянула вперёд руку, и с кончиков её пальцев вдруг потекло ядовито-сиреневое сияние, похожее на дым. В ту же секунду брюнетка, сидящая рядом, схватила её за кисть и резко дёрнула вниз.

– Держи себя в руках, Шейна, – спокойно сказала она. И блондинка резко развернула голову в сторону подруги. Станный дым впитался обратно в пальцы. – А ты, новенькая, не забывай, – продолжила темноволосая уже для меня, – что ты всего лишь свежее мясо.

Она многозначительно посмотрела на меня темными глазами и закончила мысль:

– Которое может стать трупным.

Я посмотрела на неё внимательнее. Низкого роста, круглолицая, с большим шрамом на левой щеке. Волосы густые, тёмно-коричневые, напоминающие мокрую глину. И острый взгляд круглых карих глаз. Некрасивая девушка и очень неприятная. Собственно, как и её блондинистая подруга.

Я молча отошла в сторону и села за стол. Изарель в этот раз решила рядом со мной не находиться и расположилась подальше. Я не виню её, очевидно, что «чёрная» банда здесь имеет некое привилегированное положение. Они внушали страх большинству заключённых. А охранники, стоящие у дверей, и повара, раздающие суп, не спешили вмешиваться. Как будто до нас им не было никакого дела. Похоже, главным для них было, чтобы арестанты не применяли магию.

Тихий стук – и рядом со мной опустился поднос с тарелкой, стул отодвинулся в сторону. Я повернула голову, чтобы встретиться взглядом с человеком, который не побоялся сесть рядом.

Смельчаком оказался молодой парень, на вид не старше шестнадцати лет. Худой, как молодое деревце, светловолосый и светлоглазый. Вот уж кто сильнее всего напоминал альбиноса. Но вслух я, конечно, своих мыслей не озвучила.

– Привет, – сказал он, спокойно присаживаясь рядом.

– И тебе привет, – улыбнулась я. Всё-таки нужно было иметь завидную твердость духа, чтобы выбрать именно это место после того, как все остальные заключённые в молчаливом согласии оставили вокруг меня свободный круг.

– Амелия Фати, – утвердительно сказал он, неуверенно улыбнувшись в ответ.

Получается, он запомнил меня после тренировочного боя с главой. Удивительно!

Раньше меня, как правило, не замечали вовсе.

– Именно, – кивнула в ответ. – А ты?..

– Лотос, – нехотя выдавил юноша. Лёгкий румянец окрасил белые, как молоко, щёки. – Лотос Афолиар.

Да, с таким именем тяжко парню живётся. Я молча кивнула, пробуя довольно безвкусный суп, и делая вид, будто ничего необычного не услышала.

– Приятно познакомиться, Лотос.

– Меня зови Лот, хорошо? – поспешно попросил он.

– Нет проблем. Ну так что, Лот, мой уровень и место ты уже слышал. А как у тебя на этот счёт?

Парень положил ложку в рот и, скривившись, ответил:

– Не очень хорошо. Признаться, Амелия, до тебя мне далеко. Магии у меня практически нет. Еле-еле дотянул до первого уровня. Отряд апеллентов.

– Понятно, – ответила я. Значит, «приманка». Знать бы ещё, что это означает в действительности. – А ты уже участвовал в вылазках в лес?

– Нет, – покачал головой парень, – хвала Богам. Говорят, апелленты долго не живут.

– Правда?

– Да. Его Высокоблагородие комендант, благословенны будут его годы, делает всё, чтобы защитить этот отряд, но регулярно кто-нибудь да гибнет. Монстры слишком сильны. С тех пор как драконы полностью исчезли, нелюди дичают. И с каждым годом охота на них становится всё губительнее.

– Драконы? – переспросила я. – А при чём здесь драконы?

– Ну как же, разве ты не слышала истории о короле и королеве драконов? – Парень поднял на меня любопытный взгляд светлых, полупрозрачных глаз.

Кое-что я, конечно, слышала. Все слышали. Около трёх сотен лет назад назад наш мир был населён огромными разумными существами, которые рассекали небо громадными крыльями, слишком сильно любили золото и селились на самых высоких скалах. Драконы. Их было не так уж много по

сравнению с людьми, но жили они невероятно долго. Блестящая чешуя, огонь из пасти, полной клыков, и безупречная магия иллюзий, которой обладали только они. Люди завидовали драконам. Мечтали о сокровищах, которые должны были храниться в их скалах. Да и попросту боялись существ, которые были многократно сильнее и опаснее. Иногда не зря боялись: некоторые драконы нападали на деревни, сжигая их дотла. И тогда господарь Альдейн Шерарх, правящий в те годы, объявил Крылатую охоту. Охоту на драконов. Казалось бы, невозможно человеку тягаться с такими могучими существами. Но уже спустя два века короли небес были полностью истреблены.

– Разве у драконов были правители? – спросила я удивлённо, не припоминая в этой истории королей.

– Конечно, – кивнул Лот. – Их имён не сохранилось, к сожалению. Но говорят, что они были самыми сильными магами мира и легко могли разговаривать на языке зверей. Их одинаково почитали своими властителями как лешие с русалками, так и оборотни с вампирами. И в те времена нелюди никогда не враждовали с людьми.

– Звучит как детская сказка, – улыбнулась я, без аппетита возя ложкой по тарелке.

– Согласен, – усмехнулся парень.

Мифы мифами, но нужно было как-то свыкаться и с реальностью. Я погрузила ложку в серую жижу, отдаленно напоминающую еду, и приготовилась наполнить желудок тю-

ремной пищей. Пахла она неплохо. Но на вкус... было невозможно понять, что это. Рыба или мясо, овощи или крупа. Более того, присутствующую здесь склизкость и одновременную рыхлость консистенции усугубляла температура: еда была отвратительно холодной!

Лотос, видя моё отвращение, как-то воровато огляделся и внезапно наклонился над столом, поманив меня рукой. Я склонилась следом, не понимая, что происходит.

– Только тихо. Я знаю одну колдовскую печать, она мигом разогреет суп. Может, это его исправит.

– Ты с ума сошёл? Колдовать запрещено. Здесь столько народу!

Я тоже посмотрела по сторонам. Люди в грязно зелёных робах всех возрастов по большей части сидели, уткнувшись в свои тарелки. Мне даже показалось, что после инцидента с “чёрными” они специально на меня не смотрели. Ну что ж, оно и к лучшему.

– Никто не заметит. Это завуалированная магия. Печать является щитом, скрывающим и направляющим потоки силы. Только те, кто учился на рыцаря-мага, способны почувствовать тонкий остаточный флёр.

– Откуда ты знаешь это? – удивилась я.

– Мой отец был рыцарем, – хмыкнул Лот. Я не стала спрашивать дальше. Слишком горькой была усмешка парня.

– Давай попробуем, – вдруг ответила я, сама от себя не ожидая. И улыбнулась. Мне было нужно это маленькое при-

ключение, чтобы отвлечься.

Едва я согласилась, Лотос осторожно протянул руку к тарелке и закрыл глаза. И внезапно я что-то увидела. Странная рябь появилась в воздухе, формируясь в оранжевое облако. А затем это облако превратилось в простенький, но очень красивый рисунок. Словно корона с тремя зубцами, вписанная в две окружности. Никогда не видела ничего подобного. Она пылала золотыми всполохами над супом, чтобы вдруг исчезнуть, впитавшись в серую жижу. Жижу, от которой пошёл пар.

– С ума сойти! – воскликнула я и тут же зажала рот рукой. Но вроде никто не обратил на меня внимания, хвала Солнцеликой Деве!

Лотос довольно улыбнулся, и его бледно-голубые глаза заискрились радостью.

– Ничего особенного. Сил для этой магии практически совсем не нужно.

– Но как же так? Это же изменение свойств предмета? – удивилась я. – Я, конечно, не спец в вопросах колдовства, но слышала от соседского учителя, который иногда заглядывал к нам на чай, что это должно быть очень непросто!

– Все делает печать, – ответил Лот. – Именно поэтому такую магию и изучают лишь при замке господаря. Она очень опасна, – понизил голос он.

– И ты с ней знаком! – шепотом воскликнула я с восторгом. Тайный сговор и запретное волшебство мигом сблизил-

ли нас, разогревая кровь.

– Отец мечтал, что я пойду по его стопам, – скривился Лот, – стану рыцарем Серебряных клинков. Войду в личную гвардию господаря. Это же так почётно...

На лице собеседника появилась такое выражение, что мне захотелось немедленно закончить разговор. Лишь бы больше не видеть тоску, смешанную с болью и разочарованием. Но спустя мгновение все исчезло, и Лот улыбнулся.

– Мне кажется, эти знания должны быть закрытыми, раз их изучают только под надзором самого господаря, – продолжила я разговор. – Но наверняка они просачиваются в народ. Как, например, в твоём случае.

– Чтобы в полной мере использовать печати, нужно обладать как минимум третьим уровнем магии. А это один человек из сотни. Да и без должных тренировок все равно ничего не получится.

– Значит, у тебя тоже третий уровень? – спросила я радостно. Но почему-то взгляд Лотоса оставался прозрачно-тусклым.

– Нет, – услышала я, и все начало вставать на свои места. – У меня едва-едва первый наберется. Печать, которую я использовал, одна из элементарных. И я уже потратил на неё большую часть собственной тиаре.

– Собственной чего? – не поняла я.

– Тиаре – это такой специальный термин, – поморщился Лот, – прости, меня учил отец всем этим академическим

словам. Учил, пока не понял, что это бесполезно и его сыну никогда не стать княжеским рыцарем.

– Понятно, – ответила я, заметив, что у товарища опять портится настроение. Повозила ложкой в тарелке и отвела взгляд. Мне было прекрасно известно, каково это, когда в собственном доме ты лишний человек. Может быть, даже изгой. Но почему-то теперь меня это нисколько не трогало. Не было прежней обиды или боли. Только какое-то разочарование в себе. Ведь я могла что-то изменить, исправить. Жизнь ведь моя! Но вместо этого я предпочитала плыть по течению, бесполезно страдая и ругая жестокий рок. Какая непозволительная слабость! Особенно в моем нынешнем положении.

Теперь я была твердо уверена, что больше никому не позволю решать свою судьбу. Разве что в тюрьме этот план будет трудно реализовать...

– Сейчас я и твой суп нагрею, – сказал вдруг парень, заметив мою задумчивость.

– Ну уж нет. Я видела, что тебе это нелегко далось. – На лбу у парня до сих пор блестели бисеринки пота. – Лучше я поем холодного. Да и риск это неоправданный.

Махнула рукой и взглянула в тарелку. Холодная грязного цвета жижа напоминала болото всей моей жизни. Болото, в котором я никогда ничего не пыталась изменить. Я подняла глаза на товарища и встретила с усталым взглядом его светлых глаз. Он знал, что я права, и зажегшийся в них на мгновение ранее огонёк азарта потух.

– Нет, – вдруг вырвалось у меня. – Я сама подогрею. Скажи, что надо делать.

Лотос воровато оглянулся и улыбнулся немного удивленно.

– Но как? Я не смогу тебе объяснить. Нужно рисовать символ печати... он простой, но ты должна чётко представлять его. Это нельзя рассказать и показать просто на пальцах.

– Что-то типа огненной короны? – переспросила я, приподняв бровь. И глаза моего товарища поползли на лоб.

– Почему ты не сказала, что знакома с этой печатью? Кто учил тебя? – все это он выдохнул на одном дыхании.

– Никто. Я ничего не знаю ни о каких печатях вообще. Впервые услышала от тебя. Но, когда ты колдовал, я видела этот знак над тарелкой.

И светло-голубые глаза вдруг поблекли.

– Не хочешь говорить – не говори. – Он даже отвернулся, откинувшись назад на стуле.

– Я не обманываю тебя, – сказала я, тоже отложив неаппетитное блюдо.

– Ага. А я по ночам превращаюсь в ласточку и улетаю поболтать с русалками в Топях. – Он не верил.

– Откуда этот сарказм?

Лотос бросил на меня тяжёлый взгляд.

– Твой учитель не говорил, что руно печати могут видеть только маги четвёртого уровня? И то еле заметной рябью?

– Правда? – не смогла скрыть удивления. Видно, что-то в

моем взгляде было такое, что с лица товарища пропало напряжение. – А маги пятого уровня, значит, тоже видят?

– Что видят маги пятого, никто не может даже предположить, – ответил он медленно, словно осмысляя происходящее. – Единственный известный миру маг этого уровня – Вайлар Таркон. Комендант Чертога Ночи.

– Ничего себе, – пробормотала я. – Так он может захватить власть в княжестве? Самый сильный маг в мире?

– Не думаю, – покачал головой Лот. – Один человек, какой бы он ни был сильный, не может быть сильнее армии магов. А именно такая защищает державу господаря. Несколько десятков колдунов третьего и четвертого уровня. Это невероятная мощь. Поверь, я знаю. Отец брал меня на свои тренировки.

И пока лицо моего собеседника опять не приобрело скорбное выражение, я поспешила попросить:

– Так что там с печатью?

Лот посмотрел на меня все так же недоверчиво, но ответил:

– Мысленно располагаешь печать над целью, закрываешь глаза, чтоб вспомнить очертания руна, и вливаешь в печать свою тиарэ. Ну то есть свою силу.

Я улыбнулась и всего на мгновение прикрыла ресницы, испытывая странное удовольствие от недоверия в глазах товарища. Он думал, что у меня не получится, и это будило чувство азарта.

За пеленой век всплыл из памяти образ печати.

– Кстати, почему это называется “руно”? Ведь “руно” – это же шкура? – И вновь открыла глаза. Взгляд Лота напрягся.

– Я чувствую вибрацию воздуха. Ты уже сплела руно, отвлекаться нельзя!

– Правда сплела? – переспросила я. Но в этом вопросе уже не было смысла. Я видела над своей тарелкой бледно-прозрачную корону. – О, действительно... осталось влить силу.

И я тихо и глубоко вздохнула. А на выдохе вместе с воздухом из моей груди выплеснулась чистая энергия. Я впервые видела такой направленный поток. И он мгновенно впитался в круглую бляшку печати, превратив её в эфирную золотую монету.

У меня никогда не получалось ничего подобного... Сейчас же мою радость было сложно выразить словами, казалось, будто если я могу с ходу повторить любую печать, которую видела всего один раз, то мне и горы свернуть по силам!

– Не так сильно! – прошипел Лотос в момент, когда моя тарелка забурлила, расплескивая вокруг брызги еды. Сильный аромат только что приготовленной пищи распространился вокруг. – Ты с ума сошла?! Зачем вкладывать столько? Руно – потому что шерсть имеет тысячи волосков! И все, что ты вложишь в печать, будет многократно преобразовано!

Я недоуменно моргала глазами, одновременно поражаясь открывшимся возможностям и ужасаясь от вероятных последствий. Часть столиков поглядывала на нас с агрессив-

ным интересом, а часть – подозрительно сузив глаза.

– Так-так, откуда это так сладко пахнуло тиарэ? – раздался голос прямо у меня над ухом. Я повернула голову и натолкнулась на склонившуюся надо мной блондинку в чёрном.

– Тебе показалось, – пробурчал Лотос. А я очень удивилась. На его лице не было и капли испуга. Того самого испуга, который читался на лицах большинства заключённых.

– Не думаю, – холодно ответила девушка. – Мне хватит уровня, чтобы распознать флёр от магической печати.

И взгляд Лотоса потух. Очевидно, он надеялся, что среди нашего окружения не найдётся сильных магов.

– Ты понимаешь, милочка, что мне даже не нужно ничего делать? – с улыбкой сказала она. – Ты сама себя в могилу закапаешь и земелькой сверху присыплешь.

Мне казалось, что она вот-вот погладит меня по голове.

– Шейна, оставь их, – раздался колючий голос сбоку. Подошла темноволосая подружка блондинки. Откуда-то она успела достать очки и теперь смотрелась еще более блекло по сравнению со своей эффектной товаркой.

– Конечно, прямо сейчас и оставлю. Надзиратели! Запрещённое применение магии!

Лотос опустил голову и хлопнул себя по лбу ладонью.

Через мгновение вокруг нас образовался круг из заключённых, в который с трудом пробились два охранника. Оба были крупными и темноволосыми. Весь вид их внушал опасение, несмотря на то, что с магией, в теории, можно не обра-

щать внимания на комплекцию противника. Но что-то подсказывало, что с этими двумя шутки плохи. Один вытащил из ремня какой-то жезл и направил на нас. Камень на конце жезла подозрительно загорелся.

– Всем разойтись! Руки в кулаки и перед собой, глаза держать открытыми!

Меня с силой выдернули из-за стола. А затем и Лотос оказался в таком же положении. Мы молча подчинялись малопонятным приказам, пока двое мужчин ощупывали нас. Тот охранник, что достался мне, был особенно дотошен.

– Запрещённое оружие, артефакты, заговоренные предметы есть?

– Нет, – недоуменно хмыкнула я. Даже не знала, что тут такое бывает. – Я только позавчера поступила.

– Молчать, когда тебя не спрашивают, – рявкнул мой и резко развернул к себе лицом. Остальные преступники уже почти покинули столовую. – Имя, отряд, номер!

– Амелия Фати, отряд загонщиков, номер семнадцать.

– Это была моя магия, – раздался голос Афолиара, а я в который раз не поверила своим ушам. Как в этом на вид таком скромном, слабом и разочарованном жизнью парне уживается такое бесстрашие и даже... благородство? Благородство, которое я не в праве была от него ожидать. Этот парень мне ничего не должен, но сперва решил поддержать меня, не оставив в одиночестве, а теперь и вовсе брал мою вину на себя.

Я посмотрела в его светлое узкое лицо, окаймлённое тонкими серебристо-белыми волосами, и вдруг заметила то, чего не видела раньше. Упрямый глубокий взгляд из-под густых бровей, волевой подбородок... А ещё светлые полупрозрачные глаза, которые сперва казались мне безжизненными и тусклыми, но сейчас напоминали ледяные шапки Белого моря, как зеркало отражающие слепящий свет северного солнца. Этому парню явно было больше двадцати лет, хотя из-за худобы и длинных светлых волос он казался по-женски юным.

– Неужели? – переспросил охранник позади него и выставил вперёд странный жезл. Камень на нем светился красным исключительно над тарелками. Рядом с Лотосом и мной он оставался спокойного серого цвета. – От заключённых излучения нет, – констатировал мужчина за Афолиаром.

– Эта девка тоже колдовала, от её тарелки фонит магией! – рявкнула блондинка, дерзко указав на мой суп, который я так и не успела съесть.

– Тебя никто не спрашивал. Знай своё место, Валори, – ответил мой надзиратель. Но в его голосе не чувствовалось того презрения, которым он щедро награждал меня с Лотом. Неужели даже охрана опасается “чёрных”? – Можешь быть свободна. И подругу свою забери.

Черноволосая девушка поправила очки и, хмыкнув себе под нос, схватила блондинку под локоть, потащив прочь.

– Магический флёр слишком слабый, – констатировал

один из охранников. – Мы не узнаем, кто из них это сделал. Накажем обоих, и дело с концом, – махнул рукой надзиратель за Афолиаром.

– Нет, это была моя магия, – выпалила я на одном дыхании. Мне вдруг тоже захотелось быть смелой, храброй. Такой же, как Лот. – У меня третий уровень, а у Лота – первый. Он бы не смог скрыть свою... тиарэ.

Охранники посмотрели на меня с нескрываемым удивлением.

– Сколько, говоришь, ты тут пробыла? Двое суток? Значит, полевые учения проходить не могла... – последнюю фразу мужчина позади меня произнёс с задумчивостью. Лотос еле заметно качал головой, опустив взгляд в пол. – Действительно, вряд ли с первым уровнем такое возможно, – режумировал надзиратель, окинув неприятным взглядом темно-карих глаз. И вдруг схватил меня за подбородок, заставив запрокинуть голову. Позади раздался смешок другого охранника. А я как-то вдруг поняла, что, кроме нас, в столовой уже никого нет. – Ты не так проста, да, девочка?

– Оставь её, Сид, – уже вполне серьёзно сказал другой надзиратель, – третий уровень – это не шутка. Она может попасть в “кости”.

– А разве я что-то сделал? – широко раскрыв глаза и придав взгляду наивности, спросил Сид и тряхнул короткой кудрявой шевелюрой. Очень короткой. А я вдруг поняла, что меня практически раздражает его стрижка.

В голове мелькнуло чужеродное, словно думаю я и не я одновременно:

“Только у пса может быть настолько короткая шерсть...”

Я вздрогнула и встряхнула головой. Этот охранник мне и впрямь не понравился.

– В “кости” попадают единицы, – медленно проговорил Сид, опускаясь ниже к моему лицу. Я почувствовала резкий терпкий запах его тела. Похожий на смесь старого сыра, по-та и высохшего хмеля. – У нас будут с тобой проблемы, а, детка?

На последний вопрос я, очевидно, должна была ответить.

– Сид! – чуть громче сказал второй охранник, и Сид вдруг выпрямился, отпустив моё лицо.

– Все в порядке, Лэш. Так что, Амелия Фати? Это будет повторяться? Нам стоит следить за тобой внимательнее?

– Нет, – с трудом выговорила я. Мне было не совсем ясно, что вообще происходит, но я чувствовала странное желание убежать, и побыстрее. – Больше этого не повторится.

– Я тоже так думаю, детка. И очень на тебя рассчитываю. – Сид схватил меня за правую руку и вытянул вперёд, коснувшись металлического браслета на запястье. А затем провёл пальцами по ладони, будто погладив. Я вздрогнула, ощутив прилив отвращения. – Колдовать вне полевых тренировок запрещёно. Нарушишь запрет – и будешь лишена магии.

Он говорил мягко, будто успокаивал ребёнка. Но мне

его голос начал напоминать урчание зверя, вылизывающего жертву прежде, чем вонзить в нее клыки. Сид вновь поднял руку к браслету, крепко схватил его и поднёс к металлу серый камень жезла. В то же мгновение браслет нагрелся, неприятно обжигая кожу, и по всему его диаметру зажглась рубиново-красная цепь.

– Это первое предупреждение, – ядовито промурлыкал Сид. – Когда их станет три, ты будешь молиться, чтобы магию тебе никогда не возвращали.

И они оба просто ушли.

– Ну и зачем? – спокойно спросил Лот, приподняв светлые брови. В его вопросительном взгляде было что-то тяжёлое.

– Потому что это правда, – ответила я, разглядывая алую цепь. – Спасибо тебе за благородство, но все это произошло из-за меня. И засекли именно мою магию, не твою. В конце концов, в случае чего я вполне способна провести пару дней в одиночной камере и без магии.

Лотос покачал головой, передернув худыми, но широкими плечами.

– Ты не знаешь, о чем говоришь. Эргастул – не просто одиночная камера. Говорят, это нечто совершенно ужасное. Впрочем, сам я там не был.

– Ну вот и не стоит об этом говорить. В любом случае у меня всего одно предупреждение. – Я показала на горящее запястье. – А надо три.

– Пойдём, скоро звонок. Мы должны отметиться в своих

камерах, а то прозвучит сирена, – сказал Лот, предпочитая не развивать тему. – Какое у тебя крыло?

– Правое, этаж второй.

– Воровка, значит, – одними губами улыбнулся Лот. А я оказалась перед выбором: говорить ли новому знакомому, что вообще-то я обвиняюсь в попытке убийства? Или промолчать?

Пауза затянулась.

– Можешь не отвечать.

Быстро мы покинули стены корпуса столовой и подошли к своему зданию. Все это время мы не проронили ни звука, находясь в своих мыслях. Я боялась, что он не поверит в мою историю, и потому не рассказывала. А имела ли я право задавать вопросы, не отвечая на них сама?..

– Здесь мы разойдемся, – сказал Лот. – Тебе наверх.

– Да, спасибо, – промямлила я. И, когда он уже собрался уходить, воскликнула: – Увидимся на прогулке?

И на бледном лице появилась слабая улыбка, на этот раз осветившая и глаза.

– Конечно.

А я вернулась в свою камеру, где меня уже поджидала Изарель.

Этюд 5. Надзиратель Сид

Наступила ночь. Моя первая ночь в камере Чертога. Я долго не могла уснуть. Ворочалась на жёсткой кровати, застеленной бельем самого низкого качества. Как дочь богатого особничего, я к подобному не привыкла. Но меня заботило не это. Я глядела в серый каменный потолок и думала о будущем и прошлом.

Браслеты слились с телом и стали почти незаметны. Бинты, стягивающие грудь, сняла. Вечером в камеру заходил медик, проверял что-то под ними. Но я была абсолютно здорова, и кожа под повязкой оказалась чиста. Врач ушёл от меня хмурый и удивлённый. Похоже, он ожидал увидеть там что-то иное, но мне не доложил. Зачем меня перевязывали, осталось непонятным.

Происшествие на холме в мой первый день я старалась не вспоминать. Слишком страшно. Я до сих пор видела перед собой лицо той ужасной девушки.

Живое, расчерченное полосами сгнившей кожи, с наполовину иссохшими губами и глазами, горящими кровавым огнём.

А ещё я видела коменданта. Этот мужчина прочно засел у меня в голове. Я уже была склонна согласиться с Израель, что здесь замешана какая-то магия. Но с другой стороны, глава Чертога Ночи был действительно очень привлека-

тельным мужчиной. В нем чувствовалась внутренняя сила, в каждом плавном движении проскальзывала грация охотника. Хотелось находиться с ним рядом, почувствовать, каково это – быть его жертвой.

Странное желание.

Я словно вживую видела глубокие стального цвета глаза, иногда темнеющие до черноты, обрамлённые густыми ресницами. Видела его тяжёлые волосы с несколькими парами тонких косичек, что лишь придавали мужчине загадочной привлекательности. Небольшие, тщательно выбритые треугольники бакенбард под скулами, что чётко очерчивали его лицо, создавая неумовимо резкий и притягательный эффект.

От этих воспоминаний в животе все скрутило. Никогда не испытывала ничего подобного. В голове снова мелькнула чужая мысль про мерзкие волосы надзирателя Сиды и их разительное отличие от шикарной шевелюры коменданта крепости.

Прежде на мужские причёски я обращала мало внимания, а сейчас это почему-то стало казаться ужасно важным.

Незаметно сопение соседки меня убаюкало, и я провалилась в сонную пустоту. Уже во сне, когда я продолжала думать о единственном в княжестве маге пятого уровня, мне казалось, что я ощущаю его присутствие. Так бывает, когда засыпаешь с какой-то одной мыслью. Создается впечатление, что все происходит на самом деле.

Вот и сейчас будто сквозь дрему я слышала его тихий го-

лос, чувствовала тепло руки на своей ладони...

Обжигающая волна мурашек пробежала по телу.

Что-то лёгкое, словно лебединое перо, коснулось моих губ. Я как наяву вдохнула тонкий запах парфюма, в котором почудились оттенки дикого мёда, мускатного ореха и хвои. Можжевельника. А ещё будто кожей я ощутила аромат холодных горных вершин и одновременно тёплого камина, в котором уютно потрескивают поленья...

Тепло и горячо одновременно...

Это ощущение было настолько приятным, что я слегка потянулась вперёд, чтобы поймать ускользающее видение. И когда мои губы коснулись того, что искали, из груди сам собой вырвался стон. Сквозь пелену сна я вдруг почувствовала мягкие губы, сводящие с ума, пьянящие, как не пьянит ни один напиток. Я ощутила кожей близость мужского лица, жар его дыхания. Подняла руки вверх и, зарываясь в густых волосах, которые хотелось накручивать и тянуть на себя в молчаливом нестерпимом порыве, когда подушечки пальцев перебирают тонкие и такие невероятные косички...

Я уже была готова открыть глаза, поверив, что это не сон, как вдруг услышала тихое:

– Так нельзя...

И словно упала в чёрную пустоту, потеряв всякую связь с реальностью.

Больше сны мне не снились. А затем и вовсе кто-то жёстко вырвал меня из ночного забытья.

– Спишь, воробушек? – услышала я неприятный голос и тут же открыла глаза.

Передо мной склонился надзиратель по имени Сид. Лоснящееся лицо со слишком сильно выступающими скулами блестело в свете парафиновой свечи, оставленной у двери.

– Не кричи, – опередил он меня, зажав рот рукой. Грязной рукой, воняющей чем-то несвежим и мерзким. Я быстро посмотрела на кровать соседки: Изарель спала мёртвым сном с какой-то тряпкой у лица. – Можешь не глазеть на подружку. Не проснётся.

– Что?.. Как?.. – слов не хватало. Спросонья голова отказывалась соображать. А на губах все ещё был вкус пряного сновидения. Я неосознанно прикоснулась к ним и покраснела, а затем, с ужасом поймав плотоядный взгляд охранника, отдернула руку.

– Ты такая сладкая, детка, – прошептал он, склонившись низко-низко, – что я не смог удержаться.

В нос ударил терпкий запах пота, кислого сыра и соленой рыбы.

Я поморщилась.

– Да-да, знаю, – продолжал он. – Я тот ещё красавец, но другого мужика тебе здесь не сыскать, кроха. Так что скажи: “Спасибо”.

Он резко рванул меня за руки вверх, поставив на колени прямо на кровати. А в следующий миг уже перевернул меня к стене, зажав рот рукой и прислонив щекой к холодному

камню. Я пыталась кричать, но получался лишь сдавленный визг.

“Хотя бы не видно его мерзкой собачьей шевелюры”, – зачем-то мелькнула в голове мысль, но после нее я неожиданно вздохнула с облегчением, перестав пытаться закричать.

Стало вдруг совершенно ясно, что в панике нет никакого смысла. Мне нужно была подумать.

Но ушлый надзиратель понял все по-своему:

– Правильно, киса, будешь кричать – я закрою твой аппетитный рот так же, как рот Изи. Бесчувственные девки мне нравятся меньше, но я потерплю.

Я вздрогнула. Этого хотелось меньше всего. Прилив отращения потихоньку начал придавать сил.

– Ты собрался изнасиловать заключённую прямо в камере? – мой вопрос прозвучал довольно глухо и слабо. Не знаю, какого ответа я ждала. Но успокаивало, что я хотя бы немного потяну время, чтобы что-то придумать.

Хозяйским жестом Сид опустил левую руку на мою грудь, сильно сжав. Я зашипела от боли и раздражения, которые мгновенно ударили в голову.

Я вдруг начала злиться, и ярость неожиданно стала вытеснять страх.

– Нравится? – опять все неправильно понял Сид. – И да, я собираюсь тебя изнасиловать прямо в камере. Только я предпочитаю термин “полюбить”. Я собираюсь полюбить тебя прямо здесь. – Его рука опустилась ниже, проведя по жи-

воту и подбираясь ниже.

Я стиснула зубы. В голове вспыхнул один, всего один вопрос: “Что я могу сделать против мужчины, который в два раза меня крупнее?”

– Понимаешь, кроха, ты ведь простая воровка, шлюха на один раз!

И наглая рука опустилась мне между ног. Как же в этот момент я возблагодарила грязно-зелёную арестантскую робу! Жёсткую, неприятную к коже. Но такую плотную!

И вдруг ответ на ранее всплывший вопрос пришёл сам, словно кто-то шепнул мне его в ухо:

“Что я могу сделать мужчине, который больше меня в два раза?”

“Ты можешь его убить”.

Этот ответ мне понравился.

Я не планировала больше плыть по течению и терпеть выходы судьбы. Один раз отчим уже чуть не придушил меня подушкой. И я едва боролась.

Из-за моей слабости я оказалась здесь. Не смогла защитить сама себя.

Больше этого не повторится.

Меньше секунды мне потребовалось, чтобы воспроизвести простое руно печати, которую показал Лотос. И за которую я уже получила наказание.

В полутьме камеры вспыхнула корона. Где-то в области моих бёдер. Не успела я влить в неё силу, как охранник что-

то почувствовал.

– Что ты де... – начал говорить он, отшатываясь назад.

И тут вступила в действие сила.

Комната мгновенно наполнилась запахом горелой плоти.

Сид упал на пол, зажимая обожжённую руку между ног, а из второй выпал жезл с горящим красным камнем. Поверх него я видела бледную печать со сложным рисунком. Сид пытался защититься, но наполнить руно магией не успел. Очевидно, это было что-то вроде щита или блокирующего заклятья. Хорошо, что мой враг оказался более медлительным.

– Сука, – прошипел Сид, а я вдруг поняла, что он не закричал. Несмотря на всю боль, надзиратель не издал ни звука. Но мне некогда было восхищаться его силой воли. Он уже поднялся на ноги, протягивая вперёд трясущуюся ладонь. Даже в полумраке я видела, что кожа опалена до черноты.

– Как ты успела так быстро?.. – выдавил он через боль. И вдруг направился к моей соседке. Взял с кровати платок, что все это время лежал у её носа, и бросил на пол. Здоровой рукой подобрал жезл и направил на него. Платок вспыхнул, не оставив после себя и пепла.

“Единственное доказательство нападения...” – вспыхнуло у меня в голове.

– Третий уровень, да? – хмыкнул Сид. – Ничего. Очень скоро ты пожалеешь об этом. О многом пожалеешь. И тогда я снова к тебе приду. Но на мою нежность можешь больше не рассчитывать. Кроха.

Последнее слово он выплюнул, словно оскорбление. И, подойдя к двери, положил здоровую ладонь на самый центр. Пальцы вспыхнули огнём, и через мгновение появился второй охранник. Тот самый, что был на кухне.

– Что происходит? Сид? – в его голосе сквозило явное напряжение.

– Засвидетельствуй нападение на охранника с использованием магии, способной привести к смерти.

– Что?! – воскликнула я.

– Что? – в такт мне переспросил второй. Лэш, кажется.

– Ты слышал, – бросил Сид, выставляя вперёд чёрную руку.

– Что ты здесь делал? – недоверчиво и очень осторожно спросил Лэш.

– Я слышал крики. Пришёл проверить. Арестантка Амелия Фати напала на меня, желая покинуть камеру, – ни один мускул не дрогнул у него на лице, когда эта лживая речь лилась из его рта.

– Это неправда, – сказала я, скрестив руки. – Он напал на меня.

Второй охранник посмотрел тоскливо, потом осуждающе – на своего напарника – и спросил:

– Повреждения есть?

– Нет, – ответила я неуверенно.

– Свидетели?

– Нет. Он усыпил Изарель! – Я показала пальцем на жен-

щину, которая все ещё не приходила в себя, несмотря на громкие голоса рядом.

Лэш прошёлся по камере, осмотрел мою соседку. Потряс её за плечо. И она тут же проснулась как ни в чем не бывало.

– Что происходит? – промямлила она сонно.

Лэш поднял на меня серый пустой взгляд.

– Похоже, ваша соседка просто крепко спала.

И я поняла, что доказательств у меня нет.

– Слово надзирателя выше слова арестанта, – резюмировал он. – В отсутствие следов обратного я признаю достоверным нападение заключённой Амелии Фати на охранника Сиды Шаорна. Применена опасная магия, имеющая целью убить противника. Такой проступок классифицируется как два нарушения. Так как одно нарушение у вас уже имело место быть, вы будете заключены в эргастул на неделю.

С этими словами он подошёл ко мне, взял за запястье и прислонил к браслету свой жезл. Камень наверху вспыхнул, и тёплый металл нестерпимо раскалился, пропуская через себя две красные цепочки. Они поползли по наручням, словно артерии, полные крови.

– Но это неправда, – проговорила я, впрочем не сопротивляясь дальше. Это явно было бесполезно и еще более опасно.

Сид ухмылялся, ничуть не испытывая сожалений или страха.

– Эту ночь проведёшь здесь, – продолжил Лэш. – Утром я переведу тебя в новое место заключения, а медики заберут

магию.

– Будешь знать, как спорить с законом, – ядовито произнёс Сид.

– Ты мне не закон, – мрачно ответила я, чувствуя, как внутри меня, где-то глубоко-глубоко под ребрами, зажглось что-то ядовито-горячее. Сильное. Если бы оно выплеснулось... я бы сгорела. И Сид тоже.

Этот огонь не давал мне сожалеть, несмотря на последствия. И потому я зацепилась за него, не давая ему погаснуть. Пусть он жжет, пусть будет больно, зато я больше... не прогнусь. И не опущу голову.

Я стиснула зубы и посмотрела прямо в глаза лживому надзирателю.

– Ползи в свою конуру зализывать раны, – вырвалось сквозь мои плотно сжатые зубы, за которыми словно скрывались языки пламени.

– Что ты сказала? – не поверил своим ушам Сид.

Я бы и сама не поверила. Но ярость грела не хуже раскаленного полуденного солнца. А мне, похоже, терять было уже нечего.

– Не усугубляй своё положение, Фати, – отрезал Лэш. – У тебя есть ещё одно запястье. Не забывай.

Я промолчала.

И впрямь хватит на сегодня приключений.

Дверь в камеру закрылась, а я устало упала на кровать. Сон ушёл, а беспокойных мыслей только прибавилось. Огонь

все еще жег, но становился слабее и тише.

Если бы я знала, что меня ждёт, изо всех сил старалась бы уснуть. Но я лишь смотрела в пустоту, обхватив колени и вспоминая, с какого сладкого сна начиналась эта ночь. И как отвратительно она пожелала закончиться.

На все вопросы соседки я молча отрицательно качала головой. В таком состоянии и застал меня рассвет.

Этюд 6. Эргастул

День не задался с утра. Точнее, даже со вчерашней ночи. Как только Изарель проснулась, её вздохи следовали один за другим. А стоило взглянуть в глаза, так создавалось впечатление, что меня ждало нечто ужасное, вроде казни. Это очень раздражало, хотя я и не показывала виду.

– Амелия Фати, – раздался голос из-за открывающейся двери. Я выскочила с кровати и встретилась взглядом с тем самым медиком, что ещё вчера проверял мою перебинтованную грудь.

– Я здесь, – ответила и выжидающе взглянула в старческие мутные глаза. За спиной медика показалась фигура ухмыляющегося охранника Сиды.

– Не бойтесь, – констатировал врач. – Похвально. Но, полагаю, это от незнания. Вам предстоит пренеприятная неделя, девушка.

– Что поделаешь, – медленно проговорила я, вздернув подбородок. – Раз у вас здесь такие порядки, что за попытку изнасилования заключённой несёт наказание сама заключённая.

Моего страха они не увидят. Хотя, признаться, ото всех этих приготовлений становилось жутко не по себе.

– Закрой рот, – рявкнул Сид, – твоя вина подтверждена. Медик оглянулся назад и непонимающе посмотрел на

надзирателя.

– Сид, а что ты делаешь здесь? Твоя смена кончилась.

– Хочу удостовериться, что убийца понёсет положенное наказание. Такие, как она, должны получать своё.

– Какое рвение, – пробурчал врач и подошёл ко мне. – Очень жаль, Фати, что нам последнее время приходится встречаться столь часто. Но, боюсь, это только начало.

Я вздрогнула от его слов. Но, бросив взгляд на собачьего надзирателя, поняла, что не покажу истинных эмоций, даже если мне отрежут руку.

– Не переживайте, – улыбнулась медику, чем крайне его удивила. – Я не доставлю вам проблем.

– Я не этого боюсь, деточка, совсем не этого.

Он скорбно покачал головой и замолчал. Это начинало напрягать: почему все здесь ведут себя так, словно меня послали никак не меньше, чем к кикиморам Мёртвых топей?

– Подойди ближе, – сказал медик, вынув из кожаной сумки странного вида прибор.

И мне это вдруг не понравилось. Внутри меня словно шевельнулось что-то. Мазнуло хвостом по сердцу, намекая, что нужно бежать. Глупая мышца под ребрами в ответ заколотилась невероятно быстро.

Но выхода не было. Я покорно подошла.

– Вы заберете магию? – спросила я осторожно. На меня посмотрели серые, чуть слезящиеся глаза.

– Заберу? Нет, что ты. Магию забрать невозможно. Она

повсюду. Я лишь блокирую канал ключа. Твоя собственная тиаре останется внутри. Ею невозможно будет воспользоваться. А внешняя тиаре не сможет проникнуть к ключу. А значит, она тоже станет бесполезна...

– Хватит болтать с ней, – прошипел Сид.

– Рассказ о том, что будет дальше, как правило, успокаивает людей, – невозмутимо ответил старик, продолжая говорить, несмотря на багрового надзирателя за спиной. – Даже если заключённые при этом половины не понимают, им становится легче.

– Спасибо, – сказала я.

– Не за что, милая.

Доктор достал из своей сумки аккуратно запакованную иглу и две прозрачных бутылки. Теперь я поняла, что это за предмет – стеклянный шприц. В одном из сосудов – огненная вода Рейдана для обеззараживания. А в другом...

– Простите, а что за укол вы собрались делать?

Внутреннее чутье, которым я, кстати, никогда не обладала, сигналило об опасности. Такой сильной, словно в бутылки была моя смерть. Но ведь это не могло быть правдой!

– Эта настойка называется “Поцелуй русалки”. Она поможет мне добраться до твоего сердца.

– Сердца?

– Именно, – кивнул врач, набирая в шприц мутную, как молоко, жидкость. Мне показалось, упаду в обморок от страха. Но я продолжала стоять и безразличным тоном задавать

вопросы, словно меня это не касалось. Однако страх сводил с ума с каждой секундой все сильнее, и все сложнее было не подавать виду.

Однако, что самое интересное, я вдруг поняла, что боюсь не укола. В детстве мне приходилось испытывать на себе эту неприятную процедуру во время болезни. Ничего ужасного в шприцах и иголках не было. Но вот эта жижа, мутная, как белки глаз мертвеца, пугала до дрожи в коленях!

– Вы не могли бы объяснить? – попросила я, с трудом заставив зубы не стучать.

– Конечно, милая. Я должен наложить печать на твой ключ тиарэ. Но он находится прямо в сердце, до которого мне никак не добраться, если ты понимаешь, о чем я.

Отрицательно покачала головой.

– Чтобы воздействовать магией на объект, его нужно видеть. По крайней мере, мне доступен лишь этот способ. Твоё сердце я видеть не могу. И потому придётся наложить печать на настойку. Войдя в кровь, она довольно быстро достигнет сердца, где я и напитаю её силой.

– Это ужасно, – вырвалось у меня против воли.

– Не бойся, – похлопал он меня по плечу, а затем смазал вены на предплечье огненной водой. – Это безопасно. Гораздо опаснее то, что тебя ждёт в эргастуле.

– А сама настойка имеет какое-нибудь действие? – спросила я.

– Да, – признался доктор немного неуверенно. – Она сде-

лает тебя вялой и апатичной, чтобы подавить сопротивление.

– Ты уже сказал слишком много лишнего, Эрас, – проговорил за спиной охранник, наслаждающийся каждой секундой моих мучений. Это открытым текстом было написано у него на лице.

– Она полностью выйдет из крови ровно через неделю, когда твоё наказание закончится, – продолжил врач так, словно ничего не слышал. – Тогда печать сломается сама.

Я громко сглотнула. Слишком громко. Во рту резко пересохло.

Медик поднёс к моей вене иглу с настройкой и закрыл глаза. Похоже, он мысленно рисовал руно. А я видела, как полупрозрачная тонкая монета с невероятно витиеватым рисунком медленно появлялась над стеклом цилиндра.

Этот рисунок даже отдаленно не напоминал ту простенькую корону, что наколдовал Лотос. Здесь с каждой секундой на руне появлялась новая завитушка, новый зигзаг. Понятно, почему процесс был таким долгим. Когда, наконец, старик открыл глаза, передо мной колыхалось почти произведение искусства. Рядом с ним появился легкий дымок магии. Еле заметный флёр. А затем печать осторожно всплыла в шприц.

– Во время укола лучше вдохнуть, – сказал он, и игла болезненно проткнула вену. Жижга брызнула в кровь, и в голове у меня резко помутилось. Прошло несколько секунд, во время которых я пыталась сфокусировать взгляд, и медик дохнул силой. Боль, похожая на ледяной взрыв, ударила в серд-

це, расходясь снежными осколками по всему телу.

– Отлично, теперь я закончу дело, – бросил Сид, схватив меня за руку. Он дёрнул ее вверх, заставляя встать, а я с ужасом поняла, что ноги не слушаются, и повалилась на пол.

– Надо же, как сильно подействовало, – пробормотал старик, нагнувшись и пощупав моё запястье. – Ничего, скоро станет легче. Должно стать...

– Отойди, Эрас, – отодвинул старика надзиратель. – Это что, мне тащить её придётся?

– Признаться, я ещё не видел, чтоб “Поцелуй русалки” действовал так сильно...

– А, никакого толку от тебя, – проворчал Сид, перекидывая меня через плечо.

А я так хотела закричать, чтобы этот собакоголовый не прикасался ко мне! Но получилось лишь невнятное бормотание.

– Да, я тоже рад тебе, кроха, – весело сказал Сид, неся меня по коридорам. – Не понравился я тебе вчера, да? – сказал он, когда все лишние уши остались далеко позади. – После эргастула ты сама мне на шею кидаться будешь, лишь бы больше туда не попасть. А я что? Я терпеливый. Я подожду. Но вымаливать прощение тебе придется долго, маленькая сучка. Стоя на тощих коленях и причмокивая у моих спущенных штанов.

После этого он гадко рассмеялся, а меня едва не стошнило.

Мы прошли несколько лестничных пролётов вниз. Пару раз повернули и направились по длинному коридору, внезапно остановившись прямо в середине.

– Пришли, кроха.

И тут раздался страшный крик. В нем не было ни капли человеческого. Он смешивался с лязгом металла, словно кто-то грызет решетку зубами. И с визгом, напоминающим царапание вилкой по стеклу.

Сид вздрогнул. Стало ясно, что это нечто пугает его так же, как и меня.

– Что это?.. – смогла выдавить я, через силу шевеля будто обмороженными губами.

– Не твоё дело, – буркнул он, а потом, похоже, сжалился надо мной, что было странно. – Но к заключённым это отношения не имеет.

А затем он грубо выпихнул меня в маленькое квадратное помещение, где было холодно, темно и страшно воняло человеческими испражнениями.

– Пока, кроха. И можешь не кричать. Этот этаж находится так низко, что ни надзирателям, ни заключённым ничего не слышно.

В это было легко поверить. Он не лгал.

Каменная дверь с хрустом задвинулась, оставив меня словно в гранитном гробу.

Лёжа на полу, не в силах подняться, я размышляла над своим положением, продолжая изредка слышать душеразди-

рающий вопль. Он пугал, заставляя сжиматься в маленький комочек, обнимая колени. В груди разливался холод, словно в сердце поселился льдистый осьминог, простирающий свои щупальца повсюду. Я чувствовала инородную магию внутри себя, и она сидела там очень прочно.

К тому же слишком хорошо ощущались последствия “Поцелуя русалки”. Мерзкая настойка оказалась очень сильной. Я с трудом шевелила руками и ногами. А нужно было приходиться в себя. Если это место считалось таким опасным, я обязана была хотя бы попробовать о себе позаботиться!

В каменной клетке мне предстояло провести неделю. Я с трудом привалилась спиной к стене, обдумывая, как буду это делать. Глаза привыкли к темноте, и я смогла разобрать, где всё-таки оказалась.

Квадратная камера три на три метра, кое-где разбросана вонючая солома, смешанная с человеческими испражнениями. Отхожее место оказалось в дальнем правом углу. Условно “дальнем”. Поскольку все здесь было слишком близко. Туалет не был ничем огорожен, даже не утоплен в пол. От этого грязь разносилась повсюду, смешиваясь и впитываясь в солому, которая, очевидно, когда-то служила постелью.

Потолок располагался невероятно высоко. Вот почему здесь было так холодно. До него было метров десять, не меньше. И на самом верху зияло крохотное оконце, которое и дарило немного света.

Я поёжилась, отползая в самый чистый угол, ногами от-

пинывая грязную солому. Тошнота подступала к горлу, но я держала себя в руках.

«Это все не так страшно...»

Я уверяла себя, что смогу это вытерпеть.

Без соломы было обжигающе холодно. Камень пола ничем не прогрелся, и тепло тела вряд ли могло изменить ситуацию. Поэтому я сидела на корточках.

Первые несколько часов прошли в немом стремлении вытерпеть все. Но очень скоро холод и затекшие ноги начали подсказывать, что это будет не так-то просто.

Прошёл обед, наступил вечер. Я поняла это, потому что из единственного окошка света становилось все меньше. И тоскливый полумрак начал превращаться в настоящую черноту.

Я испугалась.

Весь день ко мне никто не приходил, и теперь ужасно хотелось пить. Иногда я вставала на ноги и мерила каменную клетку осторожными шагами, стараясь ни на что не наступить. Даже холод не мучил так, как эта грязь.

Пришла ночь. Ещё несколько часов я терпела, но постепенно все сильнее начинало клонить в сон. Вернувшись в свой угол, я села на пол, рискуя отморозить все на свете, и согнула ноги в коленях. Руки легли на них, а поверх – голова. Поза не отличалась удобством, но из-за холода я быстро задремала.

Уснула, чтобы проснуться от сильной боли... Окрыла гла-

за, завизжав и подскочив на ноги, не понимая, что произошло. Нога пульсировала и ныла. Опустив руку вниз, я поняла, что там рана. Под пальцами текла тёплая липкая кровь.

– Что за ерунда?.. – прошептала я, чувствуя, как от страха холодеет спина, а ладони становятся влажными.

Но понять что-либо было совершенно невозможно. Я вернулась в свой угол и снова села на корточки, намереваясь больше никогда не спать. Я не шевелилась, и через несколько десятков минут моей ноги коснулось что-то мягкое. Я взвизгнула, дернувшись и ударив что-то невидимое и лёгкое. Раздался писк.

– Крысы, – прошептала я вслух, только чтобы придать себе уверенности. – Всего лишь...

Но это не были “всего лишь” крысы. Это были голодные, злые и бесстрашные создания. Я поняла это очень скоро, когда животные начали подходить ко мне все чаще, проверяя, сплю я или нет. Одна даже прыгнула мне на грудь. Совсем недалеко от лица.

Пару раз я кричала. Действительно кричала. Но меня никто не слышал.

Холод начал сводить с ума. Так же как и страх уснуть. Понимание, что крысы меня просто сожрут, отрезвляло. Неужели кто-то провёл здесь неделю? Неужели придётся и мне?..

А потом я начала думать. Лихорадочно прокручивала в голове последние слова доктора, не понимая, зачем я это де-

лаю. Пока не вспомнила фразу:

“Настойка сделает тебя вялой и апатичной, чтобы подавить сопротивление...”

“...чтобы подавить сопротивление...”

Сопротивление чему? Чему тут можно сопротивляться?..

Можно было бы подумать, что речь шла о самом уколе. Но если действие настойки начинается после укола, значит, сопротивляться я должна чему-то, что наступает после блокирования магии...

Чему же?

Надзиратель Сид больше не собирался меня мучить, в эргастуле на меня нападали только крысы.

Но заключенные проводили здесь по семь дней и, судя по всему, выбирались отсюда живыми. Если бы укол должен был заблокировать сопротивление крысам, то из камеры выносили бы обглоданные трупы.

Значит, «Русалочья настойка» блокирует сопротивление чему-то другому... Но чему я могу сопротивляться?..

Ответ пришел неожиданно.

Магической печати! Значит, я могу сопротивляться наложенному заклинанию! Хотя бы в теории...

Эта мысль придала мне сил. А когда наступило утро и сквозь окошко стал проникать тусклый свет, окрашивая каменный мешок в черно-серые тона, крысы разбежались по щелям в полу. Я все ещё слышала, как скребутся их крохотные лапки, и чувствовала присутствие поблизости голодных

зубастых ртов. Но их самих видно не было.

Закрыла глаза. Не для того, чтобы спать. Я пыталась почувствовать собственный ключ тиарэ. Источник человеческой магии. Где-то там, внутри, его блокировала проклятая печать.

Конечно, страх, холод, голод, жажда и желание, наконец, поспать очень мешали процессу. И почему я не подумала об этом раньше, когда сил оставалось ещё не так мало?..

Вдруг мои размышления прервал скрип отодвигаемой дверной заслонки. Сквозь небольшую щель у пола протиснулась жестяная миска.

– Вода, – услышала я незнакомый голос. Я уже собиралась взять долгожданное питье, как со всех сторон к тарелке бросились крысы. Они появились из ниоткуда и тут же окунули в лохань свои морды, оставив снаружи только длинные лысые хвосты.

Надо ли говорить, что к воде я не притронулась?..

Нужно было сконцентрироваться на печати. Не думать о том, как сильно хочется есть и пить. Как слипаются глаза, в которые будто насыпали песок. Как дрожат руки, отмороженные от холода.

Через пару часов напряжённого бездействия у меня кое-что получилось. Словно я вдруг стала видеть закрытыми глазами. Причем там, в этом странном, будто ином мире, повсюду сверкали золотые искры и всполохи. А посреди них мерцало красное пятно с клубящимся вокруг алым туманом.

Мой ключ!!! Какой же он был большой! И словно незримые тонкие нити протягивались во все стороны, одновременно наполняя и опустошая его.

– Удивительно, – выдохнула я, распугав зазевавшихся крыс.

Но там же, прямо на бордовом пульсирующем источнике, как клеймо, стояла печать медика. Все такая же яркая и витиеватая.

Я попробовала выплеснуть немного силы, как делала это в детстве, чтобы согреться. Обычно у меня уходила на это вся доступная мне тиарэ. Правда, тогда я не знала, что это называется именно так.

Сейчас ничего не вышло. Печать на ключе накалилась, отдавая болью в сердце, обжигая его, алый источник магии дёрнулся, и все вернулось на свои места. Как и предполагалось.

А я продолжила повторять попытку одну за другой. Мой замысел был прост: я хотела понять, как именно работает печать.

За этим делом прошло ещё полдня. Руки и ноги от холода потеряли чувствительность. Меня начал мучить сухой кашель. Но он отпугивал крыс, так что я была даже рада.

Очень хотелось пить. Нестерпимо. Теперь я вспоминала утреннюю миску с водой и думала: “Почему я не отогнала крыс?” От полного отчаяния меня отделяла лишь чёткая цель: я должна сломать печать.

Я не должна сдаваться.

Никогда.

Ближе к вечеру меня неожиданно сморил сон. Пробуждение было пугающим и жёстким. Я завалилась на бок, ударившись головой. Тряслись руки и ноги, зубы стучали. Но я снова была рада: крысы не успели мной отужинать.

Сломать печать я пыталась снова и снова. Изредка проваливаясь в забытё, а потом с криком просыпаясь от болезненного укуса. Так прошла и вторая ночь.

Утром, заходясь в грудном кашле, я нашла то, что искала. Брешь в руне печати! Не знаю, откуда она там появилась, но это показалось едва ли не спасением: некоторые из завитков заклинания, связанных медиком, были не такими толстыми, как остальные. Они не наливались силой, когда я задействовала ключ. Они дрожали! Словно нити тонкой паутины, дерни – и разорвется.

Так я и сделала: выбрала один из самых тонких участков печати и направила всю тиаре на него. Горячая боль вновь разлилась в груди, отдавая покалыванием в кончики пальцев.

Я скривилась, из горла вырвался смех, больше похожий на хрипы. Закашлялась.

Но завитки дрогнули, оставив остальную печать нетронутой.

Никогда не сдаваться.

Попробовала ещё раз, другой, третий – и от завитка откололся крохотный кусок.

Я вскрикнула от радости, почувствовав, как тонкая струйка тиарэ добралась до пальцев. Тут же выплеснула её наружу, снова пытаюсь согреться.

Получилось! Да, этих капель хватило ненамного, однако мне было уже гораздо теплее.

Но усталость, голод и вонь продолжали сводить с ума и доканывать, как кинжал, входящий все глубже и глубже в плоть: рано или поздно он должен был убить.

Я отколола от печати ещё несколько осколков, спеша воспользоваться полученной силой. Всплеск чистой тиарэ (ведь заклятий я почти никаких не знала), и пол подо мной стал девственно чист и сух, как и моя одежда. Колоссальная трата энергии на такую мелочь, но я больше не могла испытывать отвращение к самой себе.

Стало легче дышать.

Жалко только, что дышать я уже почти не могла, меня мучил слишком сильный кашель.

Принесли воду. Я попыталась отогнать крыс, но, как оказалось, сил почти не осталось. Миска перевернулась от неловкого движения, намочив одежду.

Проклятье.

Выплеснув последнюю крохотную порцию тиаре прямо на пятно, я удостоверилась, что оно потеплело и высохло. Улыбнулась. Криво, губы треснули от натяжения. Но мне было почти уютно.

Я легла на чистый пол и поняла, что больше не могу.

Страшное пустое забытьё навалилось с удушающей неотвратимостью. Я рисковала не проснуться, но бороться со сном было уже невозможно.

Этюд 7. Комендант не в духе

Два дня назад...

Комендант крепости был не в духе. Это замечали все, кто был знаком с ним хоть сколько-нибудь долгое время.

Все утро и весь день он провёл на полигоне смерти, вместе со своей командой “костей”. Чёрные робы давно взмокли, некоторые из заключённых откровенно истекали кровью. Но он не останавливал бой. Сегодня был необычный день: глава Чертога Ночи дрался один против шестнадцати. Его волосы вместе с косичками взмывали вверх, как столп чёрного пламени, но он даже не удосуживался их убрать, чтобы не закрывали обзор. Белая шелковая рубашка раскрылась, обнажая чуть влажную от пота грудь, но ни одна царапина не испортила рельеф мускул. Он любил тренироваться именно в белом. В пылу сражения можно не почувствовать ран. А так о каждом пропущенном ударе становилось известно сразу же. Поэтому комендант ударов не пропускал.

Вчера вечером он всё-таки пришёл к *ней*. К странной заключённой по имени Амелия Фати, чью жизнь уже отметил голос Рока. Девчонка постоянно возвращалась в его воспоминания, сверкая озорной улыбкой и золотыми волосами. Комендант упорно убеждал себя, что это из-за таинственно-го происшествия над гробницей, когда её чуть не убили. И

после которого она умудрилась выздороветь за сутки. Вайлар хотел во всем разобраться и сам не заметил, как на пороге ночи оказался перед массивной дверью старой камеры. Пройдя насквозь, будто её и не было, мужчина остановился у постели девушки. Над соседкой уже растворилась сонная печать, и Вайлар не опасался, что его кто-то заметит. Амелия крепко спала.

Он тихо сел на кровать рядом с девушкой, глядя на неё холодными глазами, ставшими во мраке совсем чёрными.

– Кто ты на самом деле? – одними губами прошептал мужчина, расположив руку прямо напротив солнечного сплетения заключённой. Она спала на спине, повернув голову набок. Длинные волосы, блестящие, как желтый жемчуг, разметались по подушке. Дыхание коменданта крепости на мгновение сбилось, но он быстро пришёл в себя.

Под ладонью где-то внизу мирно билось сердце. Ни один внутренний поток не был поврежден. Чтобы это понять, не нужно быть врачом.

“Абсолютно здорова, и ни капли чужеродной магии”, – подумал он, убирая свою руку. И случайно положив её на маленькую женскую ладонь...

Грудь девушки приподнялась, а сама она глубоко вздохнула.

Вайлар вздрогнул. Её кожа была мягкой, как шелк. Эта девушка не была похожа ни на одну из преступниц, что попадали сюда прежде. И, глядя на нее, Вайлар понимал, что,

как бы ему ни хотелось, почему-то он не может относиться к ней как к остальным. У него просто не выходит, словно кто-то нарочно вкладывает мысли об этой девчонке в его голову.

Уже сейчас её близость вызывала у него настойчивое желание дотронуться, прикоснуться...

Что он и сделал, слегка проведя по её запястью вверх. И наткнулся на арестантский браслет. С алой цепью.

“Это ещё откуда? – нахмурился он, поднимая глаза на спящую девушку. – У неё лицо словно у Проклятой богини, – улыбнулся он скорее глазами. Губы остались неподвижны. – Такое же по-детски невинное выражение... и такое же опасное”.

Вайлар знал, что не должен быть здесь. Что должен уйти. Ведь он глава тюрьмы.

Но он не мог пошевелиться. Кожу жгло, дышать внезапно стало слишком тяжело, словно ему на плечи кто-то взвалил половину Чертога Ночи.

Арестантка... Преступница...

Девушка, рядом с которой Вайлар неожиданно вспомнил, как быстро может биться сердце, если его отравит женщина.

Комендант сдвинул брови, решив, что сошел с ума, а потом медленно склонился к девушке.

Жар опалил кожу, сердце забилося с бешеной скоростью, в голове стало слишком горячо и как-то напряженно пусто.

“Что за?..” – мелькнула паническая мысль, и тут Амелия неожиданно выгнулась, протянув руки вперед, и зарылась в

его волосах. Её губы коснулись его, и он уже не мог остановить этот поцелуй, который сперва был просто экспериментом. Глупостью. Слабостью.

Жаждой.

А теперь словно какой-то сумасшедший ураган затянул его в свою сердцевину. Вайлар перестал понимать, что происходит, с каждой секундой сильнее теряя голову. И пока разум не покинул его окончательно, он отодвинулся, прерывисто прошептав:

– Так нельзя...

И, растворив над Амелией сонную печать, черным вихрем исчез из камеры.

С тех пор комендант не находил себе места. Он пытался отвлечься всеми известными ему способами, обещая себе больше никогда не приближаться к этой девушке. Слишком странным оказалось её влияние на него.

– Может, перерыв, господин? – спросила Настурция Джармуш, первая помощница и правая рука коменданта. Ослепительная фигура, благородная бледность, шоколадное облако волос.

Вайлар Таркон не удостоил её ответом. Горячка боя прекрасно помогала. Об Амелии он не вспоминал уже несколько часов.

Вместо ответа он одним ударом вспорол землю, взрывной волной отшвырнув от себя сразу шестерых “костей”. П слышались стоны. На белой рубашке коменданта показались

капли крови. Чужой. Тёмные глаза потемнели ещё сильнее.

– Командир, вы их загоняли, – безликим тоном сообщила женщина, держа за спиной крепко сцепленные руки. – Отряду нужна медпомощь.

– Вступаешь в бой вместо шестерых выбывших, – низким голосом бросил Таркон.

Настурция церемонно поклонилась. Ничто на её лице не выдавало недовольства или несогласия с приказом. Женщина видела, что её наставник и господин устал. На его лбу начинали блестеть бисеринки пота. Мгновение – и он убрал волосы в хвост, переплетая чёрной лентой. Это был явный признак: он вымотан. Но почему продолжает бой? Настурция не знала. Да и такие вопросы были не в её компетенции.

Она вихрем врзалась в кольцо заключённых, смыкавшиеся вокруг Таркона. Они пытались сплотиться, перестроиться, закрыть бреши в обороне. Но Вайлар каждый раз раскидывал их в разные стороны с силой, которую даже третьеступенным магам было сложно блокировать. Они брали числом. Казалось бы, даже Первый ловчий княжества не способен справиться с таким количеством им же самим обученных соперников. Но вот он стоит, а большинство “костей” тихо стонут на траве.

Но помощница коменданта была не такой, как все. Её скорость и сила реакции многократно превышали возможности любого члена отряда.

На поле опустился полог тишины. Все звуки потухли, ка-

жется даже свет слегка померк. Вуаль белого тумана накрыла заключённых, женщину и самого коменданта.

– Настя, давай без фокусов. Просто дерись, – бросил Таркон. И где-то в стороне завыл смерч. – Туман не поможет, – добавил он и выскочил откуда-то сбоку, нанося удар чистой силой.

Но его помощница была не так проста. А сам он уже сильно устал. Настурция отскочила в сторону, на ходу бросая вниз наполненную печать. Под ногами противника появилась огромная яма. Земля крупными комьями взвилась в воздух, чтобы тут же вернуться обратно, погребая под собой мужчину. Но мелькнула доля секунды, и словно на мягких руках она вынесла коменданта прямо за спину женщине. Настурция резко развернулась, чтобы вступить в наполовину рукопашную схватку.

Ее господин дрался как одержимый. Свою помощницу он не жалел, в отличие от заключённых. Женщина подумала вдруг, уворачиваясь от огненной плети, что будь он полон сил, для неё этот бой закончился бы так же плохо, как для отряда “костей”, которые сейчас отползали в стороны, с ужасом наблюдая за битвой, напоминающей пляску смерти.

Это нужно было заканчивать.

Женщина прокрутила в голове возможные варианты. Ничего хорошего все они не сулили. Таркон был упрям, как стадо бизонов, и неуправляем, как молния. Если уж что-то решил, то доведёт это до конца. А решил он, судя по всему, дове-

сти себя до полного физического и магического истощения. Пусть даже для этого придётся заполнить “костями” все койки в лазарете.

Женщина ловко вывела одно из сложных рун. Влила свою тиаре в ледяную монету, замерцавшую перед грудью, и тут же погрузила в неё руку. Плотно сжатый кулак достал из ослепительно-белой печати такой же опасно яркий снежный хлыст. Его особенность была в пластичности, но при этом и в невероятной твердости. Этот хлыст не исчезал, подобно огненному, и не рассыпался, как земляной.

Настурция взмахнула им, как огромной удочкой, и белая линия метнулась к коменданту. Он ухмыльнулся, видя, как призрачная веревка опутывает его живот, опалая ледяной болью.

Не обращая внимания на то, как сильно жжется хлыст, он опустил на него правую руку. Колдовские искры побежали через неё прямо к руке женщины. И, достигнув цели, не позволили ей отпустить свой конец хлыста.

Мужчина со всей силы дёрнул за снежную цепь, и Настурция оказалась у его груди, оплетенная собственным заклятьем.

Калено-белый хлыст жег их обоих, но никто из них не издал даже малейшего звука, по которому можно было бы судить о страшной боли, испытываемой от заклятья. Настурция спокойно подняла взгляд и посмотрела в серебристо-обсидиановые глаза господина, расположившиеся чуть выше

линии её лба.

– Теперь все? Или ещё раунд?

В голосе вроде бы не было эмоций, но что-то в лице помощницы заставило Вайлара скривиться и рассыпать ледяной хлыст в ворох снежинок. Так, словно это не была одна из самых прочных печатей в мире.

– “Кости” – в лазарет, Настурция, можешь быть свободна.

И, не оглядываясь, ушёл.

– Вот так вот просто, – пробурчала женщина. – Без объяснений.

А затем заметила, что её слова слышат арестанты, медленно сползающиеся в кучу, и нахмурилась.

– За мной, быстро, – скомандовала она, по-военному развернувшись и направившись к медицинскому корпусу. – Раненых – нести на руках. Без магии.

Позади раздались стоны, но никто не смел перечить.

По пути показалось главное здание, перед которым рассыпались заключённые в болотных робах. Шло время прогулки.

– “Мяско” гуляет, – усмехнулся разбитыми губами один из “костей”, несший на спине бесчувственного товарища. Настурция грозно посмотрела на него, но ничего не сказала. Взгляда хватило.

Впереди, чуть поодаль от остальных, худой широкоплечий парень стоял спиной к приближающимся раненым. Русые волосы были забраны в хвост. Он пару раз оглянулся по

сторонам, как будто высматривая кого-то, а затем воздух рядом с ним окрасился еле заметным флёром магии. Настурция, будучи магом, обладающим особыми способностями, хорошо видела это. Как и бледную, еле заметную рябь печати над его макушкой. Но четкие очертания руна были недоступны женщине, тем более с такого расстояния. Понять, что это за магия, было невозможно.

– Эй ты! – крикнула она, подходя ближе.

Парень повернулся, испуганно глядя на женщину и раненых арестантов в чёрной робе позади нее. Он щелкнул пальцами, и печать, так и не наполненная силой, пропала.

– Поздно, – констатировала Настурция, подходя почти вплотную. Парень оказался хоть и худым, но высоким. К некоторому удивлению Настурции, страх внезапно пропал из его светлых, как утреннее небо, глаз.

– Классные веснушки, – бросил кто-то из мужчин – “костей”, прихрамывая на обе ноги. Остальные сдавленно засмеялись. Помощница коменданта не стала ругать. Где-то в глубине души она жалела команду, посчитав, что ребятам нужно немного расслабиться. Большинству предстоит много дней проваляться на больничной койке.

Блондин нахмурился, скрестив руки на груди.

– Симпатичные синяки, подружка побила? – ответил он, как будто не замечая, как опасно блеснули два десятка пар глаз “чёрных роб”. Рядом с заводилой распрямилась пепельная блондинка.

– Это же наш утренний знакомый, – протянула она, с отворачиванием сплевывая кровь на землю. Её лицо было разбито.

Настурция изумленно изогнула бровь, разглядывая парня внимательнее. Он не выглядел глупым, но почему-то вёл себя слишком дерзко. Неужели совсем не боялся?

– Назовись, – скомандовала она.

– Лотос Афолиар, – прозвучал ответ.

Раздался сдавленный смех.

– Отряд поддержки, номер двадцать один, – продолжал блондин, будто не замечая ничего.

– Лотос? Афолиар? – повторил один из «костей», с перебитыми ногами. И закрыл рот рукой. Скупая слеза смеха скатилась по лицу.

– Тебе это кажется смешным? – грозно спросил Лот.

“Этот парень точно псих. Они его землю есть заставят на первой же совместной прогулке... – подумала помощница коменданта. – О чем он только думает?” – И склонила голову, всматриваясь в бледное лицо.

– Тише, Сандро. – Шейна положила заводиле руку на плечо. – А то пятнистый цветочек обидится.

“Пятнистый” – это явно был намёк на его веснушки.

– Молчать, – прошипела Настурция. – Что за заклинание было в руке?

Парень промолчал. Очевидно, он думал, стоит ли говорить правду. Использование печати наказуемо. Но это и до-

казать сложно. А за мелкую бытовую магию и спрос меньше.

– Печать поиска, – ответил он.

Настурция Джармуш про себя улыбнулась.

“Правильное решение...”

– Да откуда ему знать?.. – прозвучал сзади голос низенькой брюнетки в очках, подруги Шейны. Но оказался прерван вздернутой рукой помощницы коменданта.

– Повторить сможешь? – спросила она.

– Смогу, – кивнул Лот, но в глазах его женщина прочла неуверенность.

Парень поднял руку, повёл пальцами. Для мгновенного рисования руна нужны годы тренировок, но и у него уже получалось неплохо, как отметила Настурция.

“Интересно, кто его учил?..”

И тут парень вложил силу. Печать на секунду загорелась, сделавшись для женщины чуть более видимой. Настурция с трудом разглядела пару знакомых завитков, кивнув самой себе: действительно, простая печать поиска. И тут же руно потухло, вновь зависнув серой рябью. Сил для активации не хватило. Лот ощутимо побледнел, высвободив весь запас магии.

– У тебя очень низкий уровень тиаре, – сказала Настурция прохладно. – Зачем создавать печать, если не можешь её заполнить?

– Я могу, – выдавил парень и прибавил: – Но только один раз.

Женщина вновь приподняла бровь.

– Кого ты искал? – спросила она.

– Друга, – замявшись, ответил он, протянув руку, чтобы развеять печать. Но Настурция быстро сложила алые губы в трубочку и выдохнула узконаправленный поток тиаре. Не успел Лот развеять руно, как печать зажглась, чтобы тут же рассыпаться поисковыми искрами. Все они разлетелись прочь. И через минуту одна вернулась, превратившись в зеркало. Оно показывало худенькую, словно ребёнок, молодую девушку, сидящую на корточках в абсолютной темноте. Она тряслась, склонившись к коленям. Но вот что-то заставило её поднять голову, и всем присутствующим предстало красивое лицо, обрамленное распущенными золотыми волосами. Под большими глазами залегли чёрные круги, губы пересохли. Было видно, как она дрожит. Но при этом ни одна слезинка не трогала густые ресницы. Взгляд был ясный, как солнечное утро. И грустный.

– Это же твоя утренняя подружка, – сказала брюнетка в очках и улыбнулась Шейне.

– Никакая она мне не подружка, Эмира. И, как я и говорила, она нажила себе проблем и без меня.

Блондинка безразлично махнула рукой. Настурция бросила на них гневный взгляд. Снова воцарилась тишина.

– Твоя... твой друг, – поправилась помощница коменданта, – в эргастуле. Вернется через неделю.

Лицо парня побелело ещё сильнее. Женщине даже стало

его немного жаль. Из эргастула здоровыми не возвращаются. Обычно туда попадают по большей части мужчины. Как это удалось хрупкой девчонке?

Настурция развернулась, чтобы уйти.

– Но она же только прибыла... – прошептал Лот. – Это моя вина.

– Что ты сказал? – нахмурилась женщина, развернувшись. Что-то в этой девчонке показалось ей знакомым. И, кажется, она поняла, что именно.

– Она только прибыла. Сегодня вышла из лазарета.

– Амелия Фати? – переспросила Настурция, не веря своим ушам.

Это же на неё напала та банда, которую так и не удалось обнаружить. Она чуть не умерла. Как эта девчонка умудрилась за один день схватить три нарушения?

– Да, госпожа.

– Я разберусь, – кивнула женщина и пошла прочь, поманив за собой отряд “костей”.

– А меня вы не накажете? – бросил вслед Лотос, выпрямив спину. Но Настурция лишь махнула ему рукой, не обращившись.

Когда уже поздно вечером она постучала в кабинет своего начальника, в ответ прилетело хмурое: “Входи”. На коменданте лица не было. Никогда она не видела своего господина в таком состоянии. Он ничем не выдавал эмоций, холодная маска, как всегда, скрывала все. Но по напряжённо сжатым

в кулак пальцам, по взгляду, который то и дело начинал бесцельно блуждать по ковру на полу, Настурция видела, что глава Чертога чем-то сильно озабочен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.